

[HTTP://SCEPSIS.RU](http://scepsis.ru)

СКЕПСИС

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

**НЕ
НАСТУПАТЬ
НА ГРАБЛИ!**

ДЕКАБРЬ 2011

НЕ НАСТУПАТЬ НА ГРАБЛИ!

РЕДАКЦИЯ «СКЕПСИСА»

Общественные **настроения** меняются. Еще перед выборами на улицах Москвы и Питера, в столичных — и даже в некоторых провинциальных — студенческих аудиториях, среди школьных учителей заговорили о политике. О политике, которой на самом деле все еще нет. После выборного фарса на улицы Москвы и Питера вышли не только обычные посетители правых «маршей несогласных» и левых акций, но и ранее неполитизированные люди. И это важно.

Нельзя сказать, что эти выборы были принципиально более лживы, чем предыдущие. Или чем выборы 1996 года, когда Зюганов сдал победу Ельцину. Но сейчас традиционная фальсификация происходила наглее и на другом фоне. Чтобы понять, на каком именно, нужно вспомнить, что сейчас представляет собой власть в России. Слишком многие успели это забыть, а новое поколение — благодаря либеральным успехам в деле уничтожения образования — никогда и не знало.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РАСПИЛА

СССР развалила партийная номенклатура, которая провела захват («приватизацию») государственной собственности, постаравшись при этом сохранить и власть. Современный режим — прямое продолжение ельцинского. В течение 90-х годов наследие СССР рвали на части, кровавый передел продолжался десятилетие, вызывая локальные войны, криминализацию, обнищание, маргинализацию, вымирание — и, как следствие, ненависть подавляющего большинства населения страны. Разные ухищрения позволили продлить этот процесс передела до экономической катастрофы 1998 года — и даже немного дольше. Затем понемногу добилась смена вывесок.

Идеологический проект «Путин» был создан в конце 90-х для сохранения ельцинской олигархической системы в новой обложке (той самой системы, которая сейчас публично обнажается — как извращенец на школьном дворе — в Лондоне в ходе выдающегося в своем роде суда между Березовским и Абрамовичем). Идея проекта: якобы борьба с наследием «лихих 90-х» под флагом частичной реабилитации советского наследия. Вновь был принят советский гимн, в четвертый раз переписанный все тем же Михалковым, возвращен красный флаг Победы, растиражированы «георгиевские ленточки». В советской истории «обнаружили» положительный аспект — «сильное

государство» и «эффективного менеджера» т. Сталина. Но в социальной структуре, в экономике принципиально не поменялось ничего: капиталистическая олигархическая система сохранилась и укрепилась, разве что немного поменялся ее кадровый состав. Чиновничество и крупный капитал слились в единый класс, в ходе этого слияния в тюрьму отправился Ходорковский (как сделавший неверную ставку в клановой игре). **В 2000-е годы в России завершился процесс классового образования.** Господствующий класс обрел целостность и постоянство. Передел кончился, но этот класс не умел ничего — кроме паразитирования на остатках советских экономических и научных достижений.

Однако Путина наивно восприняли всерьез очень и очень многие. Не будем сейчас вдаваться в эту историю социального обмана, успешность которого в значительной степени поддерживалась ростом цен на сырье. Все путинское десятилетие продолжилось проедание советского наследия и его разрушение во всех сферах: экономике, образовании, науке. Ученые уезжали и вымирали, образование и здравоохранение успешно и сознательно уничтожались под вывеской «реформирования», а стратегические области промышленности добывали в угоду иностранным конкурентам и отечественным паразитам. Социальное расслоение если и несколько уменьшилось, то лишь в результате небольшого «отката» после чудовищного обнищания в 90-е. Россия окончательно превратилась в зависимую страну «третьего мира» с унаследованной от СССР ядерной кнопкой. «Средний класс» — при всей условности этого термина — немного окреп за 2000-е только в крупных городах, благодаря размножению управленцев и услуги господствующего класса, как и положено в стране периферийного капитализма.

За путинское десятилетие накопились разочарование и недовольство. В начале этого десятилетия у политически неграмотных избирателей были совсем другие надежды: прекращение повально-го воровства в верхах и разрушения экономики страны, восстановление хоть какой-никакой социальной справедливости... А получилось — наоборот. Сейчас эти раздражение и недовольство проявились. Кризис, начавшийся в 2008 году и продолжающийся до сих пор, посеял всеобщую неуверенность и подорвал надежды на «стабильность» (а это ведь был козырный лозунг путинского проекта!).

Власть же настолько обленилась и до такой степени занята только собственным обогащением, что окончательно депрофессионализировалась, растеряв последние толковые кадры. Даже

в области пропаганды. Например, недавний фильм об ассоциации «Голос», якобы выполняющей заказ американской и шведской разведок по дестабилизации России и вербовке студенческой молодежи в качестве агентуры — невероятное убожество! Пропагандистские фильмы андроповских времен, направленные против диссидентов, которые в свое время казались топорно сделанными, по сравнению с этим — шедевры кинематографа, Бергман и Феллини! И так — **везде**. ГЛОНАССы и «Фобос-Грунты» падают, «Булавы» не летают, горят детские дома и дома престарелых, тонут «Булгари» и рушатся Саяно-Шушенские ГЭС. **Правящий класс делать не умеет ничего, он умеет только воровать и делить награбленное.**

«ВЫБОРЫ», «ПАРТИИ» И «ЛИДЕРЫ»

Выборы в России фальсифицируются с момента расстрела Верховного Совета в 1993 году и принятия новой конституции. Но раньше законодательство содержало нижнюю планку проголосовавших, составлявшую 25% от списочного числа избирателей, поэтому первоначально фальсифицировалось число участников, чтобы выборы не считались сорвавшимися. Затем — с этой же целью — была изъята графа «Против всех».

На предыдущих выборах уже устраивались наглые фальсификации. Фальсификации и грабительская политика властей уже вызывали протесты. Но нужно вспомнить, чем они заканчивались.

После расстрела парламента в 1993 году все его лидеры — Руцкой, Хасбулатов и проч. — замечательным образом вписались в новую политическую систему. Они на самом деле оказались проигравшими — но всего лишь проигравшей **фракцией** и заняли в новой системе не первые, но вторые роли. Погибшие в Москве в октябре 1993-го их не волновали.

В 1996 году победа Ельцина на президентских выборах была обеспечена консолидацией всех частей правящего класса. Зюганов, который выиграл первый тур выборов, **добровольно отдал** победу Ельцину. **Все проекты, все протесты**, которые вроде бы поддерживала КПРФ и близкие к ней структуры, эта якобы коммунистическая партия **сдавала** власти, причем скорее рано, чем поздно.

Протесты против монетизации льгот и коммерциализации образования — один из недавних, но уже забытых примеров. В 2005-2006 годах эти протесты — куда более массовые, чем сейчас, — проходили в 550 населенных пунктах, и в них участвовали десятки тысяч человек. Чем кончилась та кампания? Мелкими и локальными уступками, то есть по большому счету провалом. И кончилось все так именно потому, что в противном случае правящий класс должен был бы делиться со льготниками большими средствами, на которые он уже наложил лапу. Многие лидеры протестующих постарались разменять политический

капитал на допуск в «большую политику», то есть — в Москву. А уж бросить нынешним «протестантам» кость и, например, провести перевыборы по ряду участков — вообще не проблема, поскольку по большому счету ни на что не повлияет.

Сейчас ни КПРФ, ни «Справедливая Россия», ни уж тем более ЛДПР не готовы признавать выборы полностью сфальсифицированными. Их представители уже заявляют, что «отказываться от тех возможностей, которые представляет Государственная дума, просто-напросто глупо» (КПРФ), что они будут создавать «депутатские комиссии по расследованию нарушений», «посылать запросы»... «Мы не признаем результаты по отдельным регионам — это правда. Но были регионы, в которых фальсификаций не было» («СправоРоссы»). Это — жалкая болтовня ради сохранения думских зарплат и откатов. Этой болтовней они занимаются все годы своего пребывания в парламенте. Ни одна из партий не поставила под сомнение существующий общественно-политический строй, не обещала отменить или даже изменить действующую конституцию, изменить отношения собственности, наказать виновных за преступления правящего режима.

Надо понимать — все эти парламентские клоуны продажны до мозга костей. Они сидят в Думах полтора десятка лет — и не делают ничего. И не будут делать. Все они — только **фракции правящего класса, используемые для управления протестными настроениями**. Они ничем принципиально не отличаются от «ЕдРа» — разве только большей образцованностью. Если вы им доверитесь хоть на секунду (купившись, например, на показательные визиты депутатов на оппозиционные митинги — сейчас они и там попытаются подсобрать политического капитала для будущей продажи), они вас опять предадут — как десятки раз до этого.

Кто же выступает в роли лидеров так называемой «непарламентской оппозиции»? Можно ли доверять им? Давайте вспомним.

Борис Немцов — один из приближенных к ельцинской олигархической «семье» (<http://www.politonline.ru/politika/6913.html>), один из архитекторов дефолта 1998 года, лично ответственный за эту экономическую катастрофу.

Илья Яшин — бывший лидер молодежного «Яблока», еще в 2003 году «сливавший» протесты студентов (http://scep sis.ru/library/id_359.html) и вербовавший студентов на митинги своей тогдашней партии за скромную плату (в 2003 году давали рублей по 200, позднее — по 500).

Алексей Навальный — по его собственному признанию, «русский националист», выгнанный за национализм из «Яблока», блокировавшийся с ДПНИ («Движением против нелегальной иммиграции»), регулярный участник фашистских «русских маршей» (http://ru.wikipedia.org/wiki/Навальный,_Алексей_Анатольевич), раскрученный либеральной российской прессой несмотря на все эти факты. Любезно привечаемый в американском Госдепе — тут даже тупые путинские пропагандисты не врут. Фашисты и националистические

популисты никогда не защищали интересы народа, они всегда его использовали.

Сейчас в поддержку протестов высказываются бывший пиарщик Путина Марат Гельман и приватизатор, старый соратник Чубайса с Гайдаром Альфред Кох (помимо прочего, гробивший старое «гусинское» НТВ). Все они — из той же группы паразитов 90-х.

Все эти люди **продадут** протестующих за экономические предпочтения и политический капитал **в любой момент**. Они — еще одна фракция нынешнего правящего класса. Фракция — но не более того! Их борьба — клановая. И это — не наша и не ваша борьба!

ВЫБОРЫ, ВЫБОРЫ...

Какая у них программа? Под какими лозунгами они зовут людей на улицы? Протест под лозунгом «За честные выборы» — это заранее проигранный протест. Выборы с участием всех этих сил не могут быть «честными». Любые федеральные выборы сейчас — это фарс. Они принесут народу России только очередной обман. Единственный выход — создание внесистемной оппозиции. Бессмысленно проводить «честные выборы», поддерживать продажных и ограниченных деятелей из КПРФ, «СправРоссии», ЛДПР или «Яблока». Необходимо начать делать политику самим, вне заранее нарисованных шаблонов, вопреки парламентскому ретинизму.

«Честные выборы» по существующим конституционным и избирательным правилам дадут стране вместо Путина Жириновского или Собянина. Или полуфашиста Навального. Чем они лучше? Никаких радикальных уступок со стороны власти не будет. Потому что власть наворовала буквально миллиарды долларов, хранящиеся за границей, понастроила, как Путин и патриарх, дворцов на Черноморском побережье и отказываться от всего этого не намерена.

«Честные выборы» не решат важнейших проблем страны. Они не ликвидируют положение России как сырьевого придатка Запада. Они не восстановят разрушенное и разворванное промышленное производство — тем более наукоемкое (робототехника, электроника, аэрокосмическое производство, биотехнологии и т. п.), потому что для этого уже просто **нет кадров**. Они не вернут из могил те миллионы наших сограждан, которых туда загнал правящий класс. Они не восстановят разрушенную медицину, не сделают ее вновь бесплатной. Они не восстановят фактически уничтоженную, профанированную систему образования. Они не ликвидируют массовый алкоголизм и наркоманию, эпидемию СПИДа и гепатита. Они не ликвидируют чудовищное, позорное социальное расслоение, когда одни убивают от голода себя и детей (читайте новости!), а другие покупают за сотни миллионов долларов острова, дворцы, яхты и футбольные клубы. Они **ничего не изменят**, просто вместо одних морд в кабинетах власти появятся другие — точно такие же.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Дело, конечно, не в выборах, а в **капитализме**. Если какие-то дураки еще полагают, что все наши беды от того, что у нас — не такой капитализм, как за границей («неправильный», «недоразвитый»), пусть посмотрят на то, что происходит за границей, на экономический кризис, развал финансовой системы, падение производства, безработицу, беспорядки на улицах, на три миллиона семей, выброшенных из своих домов в одних только США — богатейшей капиталистической стране, на начавшийся распад «еврозоны». По периферийным странам этот кризис бьет куда сильнее.

Политические неудачники Яшин, Навальный, Немцов, Лимонов и другие надеются на этой волне **стихийных и идеологически неформенных** протестов пробиться в «большую политику» (как это удалось 20 лет назад перед крахом СССР Жириновскому и ему подобным). Зачем им в этом помогать? Повторение 1991-го (1993-го, 1996-го, 2005-го) — это те же грабли. Второго 1991 года экономика страны точно не выдержит: советского «запаса прочности» нет — он уже проеден и разворван. На фоне протестов мы вступили в ВТО, что подразумевает, помимо прочего, «второе издание» «шоковой терапии» — и сейчас повод заранее завинтить гайки был бы для властей очень кстати.

Заметное увеличение даже на сфальсифицированных выборах доли КПРФ и «Справедливой России» говорит о том, что социальная тематика важна для избирателей. Именно социальная тематика должна быть в лозунгах протестующих! Против вступления в ВТО, против «подушного финансирования», против уничтожения здравоохранения и образования. Но пока нет даже лозунга «прогрессивного налога» на богатых! И нынешние «лидеры» «оппозиции» **заинтересованы**, чтобы даже этот скромный лозунг не был выдвинут. Поэтому идти за ними — бессмысленно.

Хотите изменений — не выбирайте между Путиным и Жириновским, Медведевым и Навальным, Зюгановым и Немцовым! Не переверяйте вашу судьбу новому хорошему «дяде». Создавайте структуры, отражающие **ваши собственные социальные интересы**. Некоторые левые товарищи уже объявили происходящее «революцией», «восстанием», «бунтом» — им видится призрак египетской площади Тахрир. Эта rrr-революционность, раздувание собственной значимости не просто смешны, а еще и позорны. Недопустимо обманывать пока еще не слишком политизированную молодежь кажущейся легкостью изменений. В Москве живет более 11 миллионов человек, на улицы же вышли около 7 тысяч, провинция большей частью пассивна. Даже до уровня протестов 2005 года происходящее пока не дотягивает.

Единственное, что может спасти Россию (как и любую страну периферийного капитализма) от дальнейшей деградации, гниения

и разложения, — это ликвидация самой капиталистической системы, то есть **социальная революция**. Во имя этого стоит жить и работать. Но социальная революция не происходит по произволу каких-то мелких провокаторов вроде Навального и Яшина, и они к революции, заметьте, не стремятся, они ее боятся. Они хотят всего лишь влиться в тот же слой, к которому уже принадлежат Путин, Медведев, Абрамович, Дерипаска и прочие такие же, — и вместе с ними грабить и угнетать вас. Вам это нужно?

Если вам так хочется идти на митинг — идите со своими лозунгами, **отражающими именно ваши интересы** (а не интересы авантюристов вроде Навального и Яшина):

«Даешь всеобщее равное бесплатное образование! Деньги на это взять у олигархов и чиновников!»

«Даешь всеобщее доступное бесплатное здравоохранение! Деньги на это взять у олигархов и чиновников!»

«Долой прикормленные властью профсоюзы ФНПР! Даешь свободу и равенство профсоюзам!»

«Долой прокапиталистический Трудовой кодекс! Вернем КЗоТ!»

«Долой политическую полицию! Расформировать ОПОНЫ и Центр «Э»!»

«Долой клерикализацию! Требуем полного отделения церкви от государства!»

«Даешь стипендии, позволяющие учиться, а не подучиваться! Деньги на это взять у олигархов и чиновников!»

«Да здравствует новая, демократическая Конституция! Власть — народу, а не олигархам и чиновникам!»

И требуйте, чтобы вам дали слово с вашими лозунгами. **Ведите под ними личную пропаганду**. Если этого не делать — вас опять обманут политические авантюристы и паразиты.

Не перекладывайте решение ваших проблем на выборы, то есть на профессиональных политиков. Профессиональные политики — это профессиональные обманщики, мошенники. Хотите защищать свои права, свои интересы — создавайте ячейки сопротивления олигархическому и чиновничьему произволу по месту работы, учебы и жительства. Боритесь против введения и увеличения платы за учебу и лечение, против ликвидации больниц, школ, детских садов и застраивания парков церквями, против насаждения в школе религии и мракобесия, против нищенских зарплат, переработок и штрафов на предприятиях, против воровства управляющих компаний в ЖКХ. Начните с этого — с малого. **Других способов нет!**

Выпускание пара накопленного недовольства на митингах ничего не изменит в вашем положении. Плевать хотели чиновники и капиталисты на ваши громкие выкрики на улицах. Они не изменят грабительские коммунальные тарифы, не повысят нищенские зарплаты и пенсии, не решат жилищные проблемы, не отменят в школах ОПК и ЕГЭ, не воскресят бесплатную медицину. Нужно начинать с конкретной борьбы за совершенно конкретные вещи.

Подлинный выбор такой: либо борьба — либо замена одних паразитов у себя на шее другими. Никакого другого выбора нет.

Осознать свои интересы и бороться за них — это не быстро. Это — не просто выйти на один или несколько митингов. Слишком долго в нашей стране отучали людей мыслить и поступать в соответствии со своими интересами. Но это — единственный шанс на самом деле что-то изменить всерьез. Не дайте толкнуть вас на грабли в очередной раз!

09 ДЕКАБРЯ – 16 ДЕКАБРЯ 2011 ГОДА

«ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ КАПИТАЛИЗМА» В РОССИИ

АЛЕКСАНДР ТАРАСОВ

Слова «реставрация капитализма в России» стали уже расхожим выражением (особенно в левых кругах). Вышли в свет книги с таким названием [1]. В некоторых вузах «реставрация капитализма в России» (именно в такой формулировке) введена отдельной темой в учебные курсы. Например, в Московском экономико-правовом университете — для студентов всех форм обучения [2]. Быстрое внедрение термина облегчалось тем фактом, что о «реставрации капитализма» даже не в России, а еще в СССР давно уже писали западные «госкаповские» и сталинистские (маоистские) авторы, причем некоторые их книги были переведены и на русский язык [3]. Было очень легко и соблазнительно воспользоваться уже готовым термином-клише, как сказал бы Р. Докинз, «мемом».

На самом деле то, что произошло на территории бывшего Восточного блока, вовсе не было **реставрацией**. Правильнее было бы назвать это «вторым пришествием капитализма» или, еще лучше, «вторым изданием капитализма» — по аналогии со знаменитым выражением Энгельса «второе издание крепостничества». Подобно тому, как «второе издание крепостничества» не было реставрацией «первого издания», возвращением к нему, а радикально от него отличалось, так и «второе издание капитализма» не является возвращением к «первому», его «реставрацией».

Ниже я постараюсь аргументировать эту позицию.

Для начала спросим себя: в какой степени вообще правомерно употребление термина «реставрация»? Если оставаться на почве политической науки, то, как я в свое время показал в работах «Этапы революционного процесса» [4] и «Национальный революционный процесс: внутренние закономерности и этапы» [5], реставрация является политическим режимом, наследующим последнему этапу стандартного революционного цикла (этапу открытой контрреволюционной диктатуры, Брюмеру, бонапартизму). Режим реставрации воспроизводит дореволюционный фасад, но не посягает на основные экономические достижения революции (если посягает — происходит «революция», вроде Революции 1830 года во Франции или «Славной революции» в Англии, корректирующая крайности режима реставрации). Другим вариантом наследования завершившегося революционного цикла может быть вырождение режима

открытой контрреволюционной диктатуры (бонапартистского режима) в режим контрреволюционной демократии (как это было во Франции с режимом Тьера — Мак-Магона, превратившимся в «обычную» Третью республику, когда, по известному определению, «республика без республиканцев» эволюционировала до «республики буржуазных республиканцев»).

В случае России правомерно будет говорить о реставрации только тогда, когда мы увидим восстановление монархии (разумеется, уже конституционной, разумеется, по сути бутафорской) при наличии капиталистических отношений. Вторым обязательным условием должна быть **реституция** либо (как вариант) возмещение ущерба (пусть не полностью) за утраченную собственность. Пока этого нет, мы не можем говорить о реставрации.

Да, конечно, в России есть силы, стремящиеся к восстановлению монархии, но они пока если не маргинальны политически, то явно находятся в меньшинстве даже внутри правящего класса. Да, конечно, такой влиятельный политический актер, как РПЦ, чуть не продал в 2007 году закон о возвращении церковного имущества, где это возвращение ничем не отличалось от реституции, — но ведь не продал же (и вовсе не потому, что законопроект основывался на мошенническом постулате о возвращении церкви имущества, национализированного «безбожными революционерами», в то время как в царской России церковь была государственным институтом, и имущество ее принадлежало государству, а потому, что в администрации президента сообразили: принятие такого закона прямо повлечет за собой тотальную реституцию, иначе все остальные наследники дореволюционной собственности окажутся противозаконно дискриминированы).

То есть если бы вместо путинско-медведевского режима «мягкого бонапартизма» — с его бутафорской законодательной ветвью власти, карманной парламентской оппозицией, контролем над «большими СМИ», жесткой уздой для оппозиции внепарламентской, репрессивным трудовым законодательством и тотальным сращиванием государственной бюрократии с большим бизнесом — мы бы видели, вслед за реабилитацией и канонизацией царской семьи, возвращение императорскому дому дореволюционной собственности, а вслед за этим — и более широкую реституцию

и какой-то компромисс между старыми (дореволюционными) и новыми (постсоветскими) собственниками, выражение «реставрация» было бы вполне уместно.

Соблазнительно, разумеется, поискать черты сходства между дореволюционным российским капитализмом и капитализмом современным. Таких черт должно быть по определению много. А обыденное сознание по своей природе недialeктично и повторяющиеся феномены и процессы склонно воспринимать как однотипные, то есть антинаучно. Если же мы отнесемся к пресловутым чертам сходства не как обыватель, а так, как полагается ученому, мы обнаружим, что они превращаются в черты различия.

Обратимся к некоторым наиболее показательным и важным примерам.

Первое, что кажется очевидным, это то, что Россия вновь, после «советского промежутка» вернулась в мировую капиталистическую хозяйственную систему на капиталистических же принципах [6]. Причем Россия опять оказалась в мировой капиталистической системе на положении страны периферии, претендующей на то, чтобы считаться полупериферией.

Однако во времена царской России такая претензия была более обоснованной. Мировая капиталистическая система в нынешнем смысле слова еще только формировалась и уж тем более не была глобальной. Точно так же в стадии формирования находилась и система отношений «центр — периферия». То, что Россия опоздала в «первый эшелон» капиталистических государств, не являясь для нее (как и для других стран, например Японии) препятствием, чтобы претендовать на «свою долю пирога» и «достойное» место в концерте великих держав (тем более что и само понятие великой державы тогда определялось другими критериями). Специфика российского империализма (зависимость от Запада, с одной стороны, и формирование зависимых от России государств на Востоке — с другой) как раз скорее соответствовала понятию «полупериферия», чем «периферия». К тому же тогда не было и речи об «однополярном мире», то есть о единой мировой империалистической системе, мировом империализме с США во главе. В мире шло соревнование разных — более и менее сильных — империализмов, и российский был лишь одним из них, не самым сильным, но и не самым слабым.

Сегодня же единая мировая капиталистическая система уже сформировалась (после распада Восточного блока и включения в нее на понятных условиях КНР; возможные «исключенные» — если даже они действительно «исключенные» — такие как КНДР и Куба, не в счет), что и позволяет вполне обоснованно говорить о глобализации. Разумеется, в эпоху «первого капитализма» в России никакой «глобализации» и в помине не было. Вхождение России в капиталистическую мировую систему в 90-е, то есть в условиях управляемого краха российской экономики, обусловило превращение России в типичную «страну-гигант» «третьего

мира» наподобие Индии, Бразилии, Индонезии или ЮАР. До революции не было самого понятия «третий мир» — именно потому, что не было реалий, которые эта категория описывала бы. Страна «третьего мира» (даже «страна-гигант») имеет мало шансов на то, чтобы попасть (и, главное, удержаться) в положении капиталистической полупериферии.

Более того, Россия вернулась в мировую капиталистическую систему на условиях куда худших, чем выпала из нее (и, естественно, несравнимо худших, чем в период пребывания во «втором мире»): с куда более слабой (в сравнении с изменившимися мировыми стандартами) экономикой, с меньшими ресурсами, территорией и населением, с худшим геостратегическим положением (которое не может быть компенсировано никаким ракетно-ядерным оружием, поскольку такое оружие не способно заменить ни балтийские и черноморские порты, ни украинские черноземы, ни среднеазиатский хлопок и т. п.).

Из других общих факторов, связанных в первую очередь с экономикой, но не только, укажем на тот факт, что капиталистическая царская Россия была страной развивающейся. Разумеется, это развитие сдерживалось правящим режимом и правящими классами, разумеется, капитализм в тогдашней России был полуфеодальным, разумеется, Россия, по известному выражению Ленина, страдала не столько от избытка капитализма, сколько от его недостатка. Но все же по сравнению с дореформенной Россией наблюдался постоянный и несомненный прогресс (пусть даже плодами его пользовалось меньшинство, а сам этот прогресс — как всякий буржуазный прогресс — вызывал к жизни чудовищные социальные диспропорции). В сомнительных терминах «теории модернизации» мы можем сказать, что царская Россия шла — слишком медленно, чтобы выжить в тогдашнем мире, слишком робко и неповоротливо, с остановками и отступлениями — но по пути модернизации. «Второе издание капитализма» в России началось с демодернизации (по известному определению Стивена Коэна [7]). Значительная часть высоких технологий, существовавших в СССР, в современной капиталистической России была просто уничтожена (робототехника, компьютерная индустрия, станки с ЧПУ и т. п.). Была уничтожена значительная часть научного комплекса [8], а часть высоких технологий оказалась сокращена до минимума (например, аэрокосмический комплекс). Сильнейшим образом пострадали даже не самые передовые, прогрессивные и высокотехнологичные секторы промышленности. Находящийся на особом положении ВПК — и тот оказался вынужден значительно «ужаться», работать преимущественно на экспорт и сегодня в основном паразитирует на НИОКР позднесоветского периода. Катастрофа, постигшая производство товаров «сектора Б», например, текстильную промышленность, общеизвестна. Между тем в царской России за первые 20 пореформенных лет потребление отечественных хлопчатобумажных тканей на душу населения удвоилось [9].

Крупная текстильная промышленность тогда была одной из передовых, прогрессивных, высокотехнологичных отраслей производства. Вообще, если исключить уральские горные заводы с их отсталым оборудованием, рассчитанным на крепостной труд (где технологическое обновление растянулось на 20 лет), крупная промышленность в дореволюционной России и была образцом тогдашних «высоких технологий». А продукция крупной промышленности за 1893-1900 годы почти удвоилась [10].

Говоря иначе, дореволюционная капиталистическая Россия была отсталой (с точки зрения развитых западных стран), но прогрессирующей страной. Современная капиталистическая Россия, наоборот, является страной регрессирующей, где на смену высокотехнологичным и наукоемким отраслям приходит «отверточное производство», где консервируются секторы экономики, считавшиеся прогрессивными 30-40 лет назад, и где несмотря на пролившийся в начале XXI века дождь нефтедолларов реальное технико-технологическое развитие и перевооружение заменены громкими реляциями, разговорами о «нанотехнологиях» и «распиливанием» бюджетов «национальных проектов».

Следующий фактор общего порядка: царская Россия переходила к капитализму от феодализма, от аграрного общества — к аграрно-индустриальному, от абсолютизма — к буржуазной представительной демократии. Законы такого перехода хорошо изучены, изучены и разные подварианты этого перехода — и в случае России ничего экстраординарного не выявлено. Но «второе издание» — это переход к капитализму от суперэлитизма, переход внутри индустриального общества, переход от политического режима советского типа к режиму буржуазному. И хотя закономерности таких переходов не выявлены и не изучены (и, кажется, буржуазную академическую науку это и не интересует, она вполне удовлетворена явно ненаучными идеолого-пропагандистскими концепциями «транзитологии»), нет никаких сомнений в том, что это — совершенно иной случай, чем случай перехода от феодализма к капитализму. Иной уже хотя бы потому, что такие задачи капитализма, как промышленная революция, индустриализация, культурная революция, урбанизация, в СССР давно уже решены. Между тем капитализм в своих классических формах только потому и мог утвердиться и развиваться, что опирался на черпаемую из деревни армию неквалифицированной свободной рабочей силы, которую посредством экономического принуждения заставляли участвовать в капиталистическом производстве на крайне невыгодных для нее условиях.

Одно дело царская Россия с ее 13% городского населения (по всеобщей переписи 1897 года) и с массами устремившихся в города крестьян — покорных, непритязательных, готовых, говоря марксистским языком, к простому труду, и совсем другое — современная урбанизированная Россия с населением, привыкшим к определенной

степени комфорта и уже профессионально специализированным.

Возможно, конечно, что раздающиеся в последнее время постоянные жалобы наших правителей на то, что в стране — избыток специалистов с высшим образованием, в то время как экономика остро нуждается в «пэтэушниках», и затеваемая с целью ликвидировать это «безобразие» очередная «реформа образования» как-то изменят ситуацию, но это можно считать лишним доказательством радикального отличия «первого издания капитализма» в России от «второго»: в первом случае капитализм выступал как прогрессивная, развивающая сила, во втором — как регрессивная, деградационная.

Есть еще один фактор, связанный с предыдущим: демографическая ситуация. В дореволюционной капиталистической России численность населения постоянно росла. Это было связано с традиционной многодетностью, с одной стороны, и с пусть медленным, но прогрессом медицины и гигиены — с другой, что, естественно, снижало смертность, в первую очередь детскую. Даже на селе, где показатели смертности были гораздо выше, чем в городе, численность населения в пореформенные годы к началу XX века выросла только в Европейской России с 48,9 до 80 млн человек [11], а в целом по стране (без Финляндии и Польши) — с 63 млн в 1858 году до 140 млн в 1913-м [12]. С учетом низкой продолжительности жизни это означало, что Россия была страной с молодым населением. С учетом аграрного перенаселения в Европейской России это давало гарантированный приток крепких рабочих рук для капиталистического (в том числе прямо промышленного) развития. И действительно, даже в столицах (Москве и Петербурге) крестьяне, по данным переписи 1897 года, составляли 67 и 69% населения [13]. Очевидно, что «крестьянами» они были формально (по сословной принадлежности), а в реальности были в основном рабочими (с незначительной примесью прислуги, извозчиков, торговцев и т. п.).

Но в современной России наблюдается сокращение населения (которое неолберальные авторы, чтобы не пользоваться словом «вымирание», именуют красивым термином «депопуляция») — в первую очередь из-за невероятно возросшей смертности (тактика Гайдара и Чубайса переводить разговор, когда их спрашивали об экстраординарной смертности, на «низкую рождаемость», оказалась неудачной: общество им не поверило, тем более что со временем рождаемость стала расти, а депопуляция не прекратилась) [14]. Резкое же повышение смертности, как неоднократно уже было показано, прямо связано с социально-экономическими последствиями «второго издания капитализма» в России (а именно с нищетой и вообще падением уровня жизни у значительной части населения, ростом преступности, алкоголизма, наркомании, социальных болезней при одновременной деградации системы общественной медицины, а отчасти и с внутренними вооруженными конфликтами — на Кавказе).

Но одновременно с сокращением населения в современной России наблюдается его быстрое старение. Очевидно, люди пенсионного возраста в массе своей не могут быть надежным трудовым ресурсом — и тем более не способны к овладению новыми специальностями. Кроме того, они объективно не могут (по состоянию здоровья) и, кстати, не захотят мириться с такими «временными» трудностями и лишениями, с которыми могла бы мириться молодежь (молодая неквалифицированная рабочая сила). Поскольку никакой капитализм ни существовать, ни тем более развиваться без рабочей силы не может, это означает, что «второе издание капитализма» в России осуществляется в принципиально иных условиях по отношению к такому важнейшему фактору, как производительные силы.

Обратимся теперь к некоторым чисто экономическим сюжетам.

Во-первых, взглянем на отношения собственности. Капитализм по определению основан на частной собственности на средства производства. К моменту его «первого издания» частнособственнические отношения в России были давно и широко развиты и преобладали в хозяйственной деятельности. Докапиталистическая экономика России основывалась на сельскохозяйственном производстве, опорой которого было помещичье (то есть частнособственническое) землевладение. По мере развития капитализма в России частнособственнические отношения в деревне становились практически всеобъемлющими (последним шагом была столыпинская аграрная реформа). Не менее развит был частный сектор в промышленности. О торговле я уже и не говорю. Разумеется, были община (не везде) и казенная промышленность (с определенного момента — не преобладавшая), но в условиях товарно-денежных отношений они вынуждены были играть по правилам, адекватным частнособственническому производству. Государство-промышленник вело себя так же и действовало по тем же законам, что и частник. В отношениях с государственными и посессионными крестьянами российское государство вело себя как частник (пусть даже частник-крепостник).

Совсем иной была стартовая ситуация в отношениях собственности при «втором издании капитализма». Теперь капитализм утверждался в стране, где существовала практически тотальная государственная собственность на средства производства, где в основном отсутствовали частнособственнические отношения и не действовали законы рынка. Это принципиально иной опыт утверждения капиталистических отношений — и уже в силу одного этого факта «второе издание капитализма» в России не может быть «реставрацией» «первого».

Во-вторых, некорректны и частые ссылки на большую (или даже «особую») роль государственного капитализма тогда и теперь. При чисто формальном сходстве и некоторых общих сопутствующих феноменах (грандиозной коррупции, например) перед нами — две разные схемы

государственного капитализма. Государственный капитализм в царской России был всего лишь наследником дореформенной казенной собственности (которую в ряде случаев было трудно отделить от императорской). Дальнейшее развитие государственного капитализма в России определялось в основном военно-стратегическими интересами царизма (отсюда — особый упор на железные дороги, военное производство и смежные отрасли, такие как металлургия). Какие бы колоссальные хищения ни процветали в этом секторе экономики, государственный капитализм в царской России все равно работал прямо на государственную казну и государственные интересы (разумеется, такие, как их понимали — последовательно — императорская семья, высшая бюрократия, правящий класс). В конце концов, именно средства, получаемые от казенной собственности, были одной из двух важнейших статей доходов государственного бюджета в капиталистической царской России (второй — сравнимой — были доходы от винной монополии и других, более мелких, «правительственных регалий»).

В современной же России государственный капитализм построен по неолиберальным схемам. В соответствии с этими схемами государственные предприятия являются акционерными обществами, платящими в государственную казну такие же налоги, как и любые другие АО. А вот прибыль хитрым образом распределяется в узком круге топ-менеджеров (членов правления и т. п.), в большинстве своем — высокопоставленных государственных чиновников. Однако они присваивают эту прибыль не как чиновники, а как частные лица (то есть прибыль идет не должности, а персоне). Особый цинизм этой схемы в том, что она не предполагает покрытие убытков из карманов этих топ-менеджеров: в случае, если предприятие принесет не доходы, а убытки, эти убытки будут покрыты из государственного бюджета, то есть из кармана налогоплательщика!

Говоря иначе, в капиталистической царской России государственный капитализм действительно был государственным капитализмом, а в современной России это — неолиберальная мошенническая ширма, обеспечивающая формально законное, но на деле криминальное (и потому не афишируемое) обогащение бюрократической верхушки.

В-третьих, некорректно и сравнение дореволюционной капиталистической России и современной как «сырьевых империй». Действительно, и та, и другая России — «сырьевые империи». Но сегодняшняя «сырьевая империя» — вовсе не «реставрация» дореволюционной. Начнем с того, что не совпадают виды экспортируемого сырья. Для дореволюционной России это в первую очередь был хлеб, а затем уже — все остальное (лес, лен, пенька, кожи и меха и т. п.). Для современной России это — нефть и газ, алюминий, лес. То есть современная «сырьевая империя» является наследником прошедшего индустриализацию СССР, поскольку если поставляет за рубеж сырье

(или продукты первичной переработки), то такое, которое требует промышленной добычи, переработки и транспортировки, а не сырье доиндустриального периода.

Царская Россия, опоздавшая в «первый вагон» капитализма, все же имела на своих границах достаточное число отсталых, феодальных, зависимых и полузависимых стран, куда могла вполне успешно сбывать, не боясь конкуренции более совершенных западных образцов, промышленные товары, черпая оттуда взамен сырье. В конце концов, именно это привело тогдашнюю «сырьевую империю» к конфликту с Японией в Маньчжурии и Корею и было одной из основных причин, почему Российской и Османской империи оказались по разные стороны фронта в Первой мировой войне. Поэтому дореволюционная «сырьевая империя» постоянно наращивала экспорт промышленных товаров.

Собственно, капиталистическая царская Россия, наследник феодальной царской России, только и могла быть «сырьевой империей»: чтобы уйти от этого, надо сначала развить капитализм в такой степени, чтобы промышленное производство покрывало запросы внутреннего рынка.

«Второе издание капитализма» наследовало советскому суперэтатизму, где промышленное производство было достаточно развито для того, чтобы конкурировать (хотя бы в военно-техническом отношении) с крупнейшей страной капиталистического мира — США. СССР послесталинского периода не был «сырьевой империей» и не сидел на «нефтяной игле», вопреки широко распространённой сказке Е. Гайдара. Накануне «перестройки» доля энергоносителей и готовой электроэнергии в советском экспорте составляла лишь 52% [15], при этом надо отметить, что электроэнергия — не сырье [16]. Две трети остального советского экспорта были готовой продукцией (правда, в денежном выражении в ее составе все остальное перевешивали вооружения, но вооружения — это тоже не сырье).

Превращение современной капиталистической России в «сырьевую империю» прямо связано со «вторым изданием капитализма». Это «издание» проходило в форме экономического кризиса, уничтожившего, как уже говорилось выше, 50% промышленного производства — в том числе в самой варварской форме, когда промышленные предприятия просто закрывались, а их оборудование демонтировалось и вывозилось из страны в качестве лома металлов. Между прочим, в одном только 1994 году таким образом было ликвидировано и разворовано 6201 промышленное предприятие! [17]

Да, конечно, без тотальной войны невозможно тотально вернуться в доиндустриальный период. И те достижения суперэтатизма, которые обеспечили СССР уход от «сырьевой империи», в какой-то степени работают и сейчас. И сейчас определенный процент российского экспорта — это экспорт вооружений, электроэнергии (в первую очередь в страны СНГ) и продуктов

первичной переработки (металлов, а не руд). Но налицо противоположное «первому изданию капитализма» движение: царская Россия, не ставя себе публично целей уйти от «сырьевой империи» и перейти к высокотехнологичному экспорту (тогда и терминов-то таких не было), двигалась именно в этом направлении (пусть медленно); современная Россия, несмотря на официально провозглашенную цель заменить экспорт сырья экспортом высоких технологий, движется в обратную сторону.

Единственное, что в данном случае объединяет оба «издания» капитализма, это хищническое отношение к ресурсам страны и циничное пренебрежение нуждами ее народов. Царская Россия наращивала вывоз хлеба невзирая на внутренние нужды (по известному лозунгу «Недоедим, но продадим!») и на мировые цены на хлеб [18]. Сейчас, как все мы видим, то же самое происходит с нефтью. Но это — не признак «реставрации», это — классическое поведение капиталиста на рынке: прибыль — сейчас и здесь.

В-четвертых, абсолютно неправомерно проводить какие-то параллели между приватизацией тогда и сейчас. Общеизвестно, что объемы приватизации в эпоху «первого издания капитализма» были достаточно скромными, а при Александре III приватизация фактически прекратилась. Известно, и почему она прекратилась: приватизация казенных предприятий не дала ожидавшегося дохода в казну, во-первых, и значительная часть приватизированных предприятий стала убыточной, во-вторых. Более того, те из них, что носили стратегический характер (железные дороги), повисли тяжким грузом на государственной кредитной системе, а кончилось все это, как известно, необходимостью массового выкупа казной частных железных дорог, разрушенных их владельцами. Хищническая эксплуатация приватизаторами железных дорог стала в России притчей во языцех [19]. Нередко то же самое происходило с частными банками, спасти которые вынуждена была опять-таки казна (история Русского торгового-промышленного банка тут вполне показательна). Все это лишний раз подтверждает известное положение, что рентабельность зависит не от формы собственности, а от умелого менеджмента.

Совсем иную картину носит приватизация в постсоветской России. Приватизация — это «священная корова» неолиберализма, и, по нашему мнению, когда-то признанию Петра Филиппова, Чубайс и прочие правительственные приватизаторы были убеждены в том, что приватизировать надо все, за исключением, может быть (то есть они и в этом сомневались!), парламента и судов [20]. Поэтому приватизация в современной России идет волнами, причем в первую очередь приватизируются наиболее успешные и доходные предприятия [21]. Периодически поднимаемый неолибералами панический крик о «путинской национализации» к реальности отношения не имеет, так как на практике речь идет либо о прямой реприватизации (то есть отнятии бизнеса у «чужих», с тем, чтобы

отдать его «своим»), либо о создании тех самых псевдогосударственно-капиталистических АО, о которых я выше уже говорил.

Единственное сходство, которое легко обнаруживается между этими двумя приватизациями, — это то, что в постсоветской России так же, как и в царской, государство получило от приватизации гораздо меньше средств, чем ожидало. Так, от приватизации промышленных предприятий в 1993-1999 годы в государственный бюджет поступило лишь 17,2% той суммы, которую планировалось выручить! [22] Это при том, что продавались эти предприятия по смехотворной цене, обычно по остаточной стоимости в ценах советского периода, «забыв» про галопирующую инфляцию. Один из участников этой грандиозной аферы, имевший некогда отношение к ВЦСПС, помню, в частной беседе рассказывал, что стоимость предприятий зачастую выводилась таким вот «научным» методом: брался размер фонда заработной платы за три месяца — и округлялся (необязательно в сторону увеличения!).

В-пятых, абсурдно ссылаться на зависимость царской капиталистической России и современной от иностранного капитала. Безусловно, всякая страна капиталистической периферии неизбежно оказывается зависимой от капитала центра — на то она и зависимая. Но в данном случае мы можем констатировать принципиальную разницу. В XIX — начале XX века не было таких инструментов неолиберального глобального диктата, как МВФ и Всемирный банк, которые в обмен на кредиты навязывали бы странам экономическую и политическую линию. Царская Россия могла зависеть от германского или французского капитала, что, разумеется, влияло на ее поведение на внешней арене, но это по сравнению с диктатом МВФ — детские шалости.

Кроме того, при «первом издании капитализма» в России наблюдался переход от ввоза товаров к ввозу капиталов (причем политика протекционизма, символом которой стал министр финансов И. А. Вышнеградский, прямо побуждала иностранный капитал к участию в первую очередь в российских компаниях, в результате чего иностранный капитал, вложенный в российские промышленные предприятия, неизменно — и часто солидно — превышал капитал собственно иностранных предприятий в России [23]). Можно, конечно, вслед за М. Н. Покровским указывать, что этот протекционизм был по карману рядового российского потребителя, но было бы странным ожидать иного от классовой власти в классовом государстве.

Сегодня же мы наблюдаем одновременно и ввоз товаров, и ввоз капиталов. Причем несмотря на громкие крики правительственных чиновников о «продовольственной безопасности» и т. п. к реальным протекционистским мерам правящий режим не прибегает, заменяя их разовыми пропагандистскими акциями политического характера (борьба с грузинским вином и боржомом, польским мясом, «ножками Буша» — не вообще, а конкретных предприятий — и все это временно!),

поскольку такие меры идут вразрез с догмами неолиберализма. Единственный пример впечатляющего удара по ввозу товаров (и, следовательно, стимулирования внутреннего производства) — «дефолт» 1998 года. Но заслуги правительства (и режима вообще) в этом не было никакой: стимулирование внутреннего производства произошло само собой, по общим законам капиталистической экономики — вслед за катастрофическим падением покупательной способности населения и обесцениванием рубля. То есть правительство еще и продемонстрировало некомпетентность.

Напротив, единственной сферой, где в постсоветской России действительно долго наблюдался протекционизм, была банковская: новоявленные банкиры боялись, что а) западные «гиганты» сожрут их, даже не заметив этого, и б) вскрыется криминальный характер банковского бизнеса в России (во всяком случае, уголовных авторитетов западные банки в правлениях точно не потерпят).

То есть при «втором издании капитализма» в России если с чем и боролись, так это со свободным ввозом капитала. Зато из России вывозили капитал — легально и нелегально. И никто не знает, сколько вывезли (оценки колеблются от 800 млрд до 1,2 трлн долларов) [24].

Да, конечно, можно сказать, что если бы Вышнеградский не «продал Россию западному капиталу», то хозяйственная система царизма дошла бы до краха. Но «второе издание капитализма» в России началось с такого краха. Согласитесь, это уже совсем другой коленкор.

Наконец, при дореволюционном капитализме иностранный капитал почти полностью шел в наиболее передовые, прогрессивные сектора экономики — в банковское дело, металлообработку, нефтедобычу и химическую промышленность, автомобилестроение и т. п., приносил в Россию новые технологии и новые производства, выступал как развивающая сила. Сегодня иностранный капитал стремится в сырьевые сектора, в пищевую промышленность, в производство косметики и средств гигиены, а если приносит что-то свое, то «отверточные производства». То есть выступает как типичный представитель «первого мира» в мире «третьем», консервируя в стране капиталистической периферии технологическую отсталость и даже прямо разрушая высокотехнологические производства с целью ликвидации конкурентов (как это было с рядом опытных авиационных и электронных производств или с метизным заводом в Перми).

В-шестых, ситуация в такой важнейшей отрасли экономики, как сельское хозяйство, для обоих «изданий» капитализма оказывается не просто разной или даже принципиально разной, а диаметрально противоположной по тенденциям. Положение в сельском хозяйстве в царской России к середине первого десятилетия XX века (то есть до попытки столыпинской экономической революции сверху) было хорошо изучено уже современниками. Как бы ни спорили между собой большевики (Ленин), меньшевики (Маслов), кадеты (Кауфман), эсеры

(Чернов) и правые (Ермолов), споры эти касались в основном деталей, интерпретаций и прогнозов [25]. В целом же вырисовывалась вполне прозрачная картина. Несмотря на активное внедрение капитализма на селе со времен крестьянской реформы, сельское хозяйство России оставалось крайне отсталым, неразвитым и откровенно полуфеодальным. Это было видно из того важнейшего факта, что подавляющее большинство хозяйств на селе не участвовало в производстве продукции на рынок, что с точки зрения капитализма абсурдно. По ставшим уже классическими расчетам академика Немчинова, даже после столыпинской реформы, в 1909-1913 годах, помещики производили 21,6% товарного хлеба, кулаки — 50%, все остальные крестьяне (подавляющее большинство) — всего лишь 28,4% [26]. Говоря иначе, большинство крестьян в дореволюционной России обеспечивало только прокорм собственных семей. Это — натуральное хозяйство, феодализм, но никак не капитализм. Как это выглядело в абсолютных числах, можно почерпнуть из работы Ленина «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905-1907 годов»: Ленин насчитал в Европейской России 10,5 млн бедняцких хозяйств, 1 млн — середняцких, 1,5 млн — кулацких и капиталистических и 0,03 млн — «крепостнических латифундий» [27].

Наличие такого неприкрыто феодального феномена, как латифундии, гарантировало Европейской России крестьянское малоземелье (или, если угодно, аграрное перенаселение): в 1905 году 28 тыс. самых крупных помещиков владели 62 млн десятин (3/4 частного землевладения), в то время как 619 тыс. средних и мелких собственников владели всего лишь 6,2 млн десятин [28]. При этом Ленин высчитал, что для того, чтобы крестьянской семье дожить до следующего урожая, не умерев с голоду и не залезая в долги, и при этом выплатить подати, нужно (в среднем, разумеется) не меньше 15 десятин. Меньше, чем 15 десятинами, в 1905 году владело, как нетрудно подсчитать, 82,3% всех крестьянских хозяйств [29].

Разумеется, этот расчет исходил из тогдашней — крайне низкой — урожайности: 41,4 пуда на десятину в Европейской России [30], а урожайность, пусть медленно, но росла. Перед I Мировой войной урожайность дошла до 45 пудов зерновых хлебов, в том числе пшеницы — 55 пудов с десятины (что, впрочем, не выдерживало никакого сравнения с Европой, где во Франции собирали 90 пудов зерна, в Германии — 152 пуда, в том числе 157 пудов пшеницы, в Австро-Венгрии — 89 пудов, в Бельгии — 168 пудов и т. п.) [31]. Именно эта возросшая урожайность и позволила в 1921 году большевикам провести нижнюю границу середняцкого хозяйства не в 15 десятин, а в 8,5 в Черноземье и в 9,5 — в Нечерноземье [32].

Но как неопровержимо доказал академик Л. В. Милов в своей сразу же ставшей эпохальной работе «Великорусский пахарь» [33], переносить в Россию западный сельскохозяйственный опыт бессмысленно: сельское хозяйство России

существовало в условиях неустойчивого земледелия, в условиях настолько неблагоприятных природно-климатически (кроме Юга России и Юга Сибири), что российский крестьянин не мог накормить одновременно и себя, и помещика (помещичье государство). Кто-то один должен был голодать или жить впроголодь. Поскольку вооруженная сила была в руках у помещика (помещичье государство), голодать и деградировать от голода приходилось крестьянину — и все, что тот мог сделать, это время от времени прореживать число нахлебников и насильников, также обращаясь к силе (что он и делал начиная со времен Разина и кончая «иллюминациями» 1905-1907 годов). И всякие попытки радикально изменить ситуацию путем внедрения агрикультурных новшеств и новинок сельскохозяйственной техники были заранее обречены на провал: технологическое обновление parcelлы невозможно!

Единственный выход из этого тупика — переход на крупное индустриальное сельскохозяйственное производство. Но это невозможно без уничтожения помещичьего землевладения вообще, равно как и мелкотоварного крестьянского. Именно это обстоятельство обрекло на поражение столыпинскую аграрную реформу (а вовсе не то, что, как позже писали отработавшие идеологический заказ советские авторы, лишь 26% крестьян вышли из общины, да потом многие вернулись, что реформа не достигла поставленной цели — ликвидации аграрного перенаселения — переселенческая кампания, голод 1911 года показали неустойчивость сельскохозяйственного роста и т. п.; еще забавнее выглядят сетования нынешних апологетов столыпинщины на то, что, дескать, треклятые масоны не дали Петру Аркадьевичу тех самых двадцати лет покоя, о которых он просил: сначала застрелили, потом устроили мировую войну, а потом вообще революцию). Столыпинская реформа не могла обеспечить нормального и успешного развития капитализма, поскольку в выборе между прусским и американским путями (по Ленину) выбрала оба: и насаждала на селе крестьянский (кулацкий) капитализм, и сохраняла оставшееся от феодализма помещичье землевладение. Понятно, что второе было результатом давления правящего класса (I съезд уполномоченных дворянских обществ в 1906 году прямо назвал покушение на помещичье землевладение «шагом к социалистическому строю» [34]). Между тем вялотекущая гражданская война (крестьяне против помещиков), начавшаяся в российской деревне с 1902 года и достигшая пика в Революцию 1905-го, когда была сожжена шестая часть помещичьих усадеб, показала, что интересы помещиков и крестьян (сельской мелкой, средней и даже крупной буржуазии) находятся в непримиримом противоречии: все, чего хотели крестьяне, — это разделить между собой помещичьи земли. Это не была война бедных против богатых, это была война классов: сельской буржуазии (в союзе с сельским пролетариатом и полупролетариатом) против феодалов. Это хорошо понял Теодор Шанин, описавший 1905 год как войну сельской

общины во главе не с бедняками, а с середняками против своего многовекового угнетателя [35].

К этой одной вялотекущей гражданской войне столыпинская реформа добавила вторую: войну основной массы крестьянства (общины) против «мироода» — то есть кулака, «объевшего» общину (воспользовавшегося всеми ее преимуществами, а затем вышедшего из общины без выкупа и с лучшими землями). В 1917 году это стало предельно ясно [36]. Но ведь социальные реформы устраиваются не для того, чтобы спровоцировать социальную революцию (в данном случае — вялотекущую гражданскую войну с кулаком), а для того, чтобы эту революцию предотвратить. Столыпинская — не исключение, что понимали и современники. Реформа провалилась в момент своего начала, так как требовала для успеха «двадцати лет мира», а породила социальную войну.

Кроме того, фермерское хозяйство могло успешно существовать в России только на Юге (и Юге Сибири), там, где этому благоприятствовали природные условия. Это хорошо видно из любой качественной работы, имеющей отношение к теме. Например, из статьи П. Д. Рындзюнского «Крестьянский отход и численность сельского населения в 80-х годах XIX в.» [37]. То, что это были единственные зоны уверенного развития «американского» капитализма, видно и из того факта, что только здесь существовал устойчиво растущий спрос на вольнонаемный труд и только здесь такой труд сколько-то прилично оплачивался (особенно в Предкавказье) [38].

То есть если прав Слихер ван Бат, в качестве авторитета цитируемый Ричардом Пайпсом, российское сельское хозяйство — что до столыпинской реформы, что после — не могло (по общим законам развития) обеспечить существование «высокоразвитой промышленности, торговли и транспорта» [39]. А поскольку столыпинская реформа всего лишь генерализовала конфликт между дворянством и буржуазией (конфликт, вполне проявившийся в 1905 году и показавший слабость и трусость российской буржуазии), причем оказалось, что сельский мелкий и средний собственник настроен не буржуазно, а мелкобуржуазно (уравнительно-социалистически), это делало бесперспективным капитализм в дореволюционной России. Строго говоря, большевикам надо было поставить памятник Столыпину — за то, что тот своей реформой создал все предпосылки для революции 1917 года в деревне.

Совсем иная картина наблюдается сегодня. Прежде всего, вопрос научно не исследован. Статистика запутана и откровенно сфальсифицирована — в основном с целью получить (и разворовать) государственные кредиты, а также из-за массового криминального присвоения земельной собственности.

Стартовым условием «второго издания капитализма» на селе было наличие всеобщей государственной собственности на средства производства, в том числе землю (частью замаскированной под «коллективную» — в колхозах).

И хотя продемонстрировавшие затем свою полную некомпетентность наши певцы «частного сектора» и «фермерского хозяйства» (вроде Черниченко) расхваливали достижения приусадебных участков, быстро выяснилось, что основную товарную продукцию — хлеб, молоко, мясо, яйца, птицу и уж тем более рыбу — дают не приусадебные участки, а крупное индустриальное сельскохозяйственное производство, как оно утвердилось к концу существования СССР.

Основа этой системы была заложена во времена насильственной коллективизации — и хотя выбранный тогда путь оказался вполне контрреволюционным (не американским и не прусским, а еще более реакционным — английским, только в качестве лендлорда выступило государство), стратегическое направление — крупное индустриальное хозяйство — было единственно верным в природно-климатических условиях России.

Но при «втором издании капитализма» эта система была разрушена — формально потому, что не справилась с резко выросшим уровнем потребления населения. Сегодня уровень потребления радикально понизился, однако существующее сельское хозяйство не способно обеспечить и его, поскольку значительная часть агропроизводства просто ликвидирована. Если СССР в основном обеспечивал себя продовольствием (напомню, что в Советском Союзе «периода застоя» был не импорт зерна вообще, а импорт фуражного зерна, что неизбежно в столь явно патологических условиях, когда крестьяне догадывались кормить скот готовыми хлебо-булочными изделиями!), то сегодня Россия не способна прокормить себя и зависит от импорта.

В формах хозяйствования на селе наблюдается фантастическая неразбериха. Часть колхозов и совхозов (теперь — госхозов) уцелела и функционирует. Часть — превращена в АО и либо погибла, либо стала типичным капиталистическим производством. Значительная часть колхозов была распущена, и колхозникам раздали их паи — как правило, именно эта часть населения практически выпала из реального рыночного оборота и вернулась к самообеспечению, едва ли не к натуральному хозяйству. Значительная часть сельскохозяйственных земель мошенническим путем выведена из хозяйственного оборота. Фермерские хозяйства вновь, как и при «первом издании капитализма», оказались рентабельны только на Юге, во всех остальных местах они медленно умирают [40].

Столь же медленно, но уверенно в сельском хозяйстве России утверждаются новые латифундии, только владельцами латифундий становятся банки и ФПГ, скупающие пахотные земли и прочие сельхозугодья (в том числе и не эксплуатируя их, «про запас»).

Однако этот новый латифундист сталкивается с ситуацией, в некоторых отношениях еще более неблагоприятной для развития капитализма, чем в конце XIX — начале XX века. В значительном количестве областей (в первую очередь

в Нечерноземье) наблюдается одна и та же картина: заброшенные заросшие поля, разрушенные и разграбленные фермы, кладбища ржавеющей техники, вымирающие деревни. То есть «первое издание капитализма» стояло перед необходимостью реформировать сельское хозяйство, а «второе» — в значительной степени создавать его заново. Прежде существовало аграрное перенаселение, избыток рабочей силы — сегодня наблюдается запустение сел, острый дефицит рабочей силы. Прежде в Европейской России наблюдалась нехватка земли (пресловутое малоземелье) — теперь избыток. Раньше владелец средств производства имел дело с неграмотным, неприхотливым, согласным на низкий доход и лишения работником — сегодня с «разложным» «периодом застоя» сельским жителем, вовсе не стремящимся «горбатиться за копейку».

То есть «первое издание» российского капитализма сталкивалось с селом развивавшимся, но развивавшимся чудовищно медленно (Ленин, как известно, явно переоценил степень развития капитализма на селе в своем знаменитом «Развитии капитализма в России» — и после Революции 1905 года был вынужден это признать и скорректировать позицию). Сегодня же российский капитализм имеет дело с частично консервировавшимся, а частично деградирующим и вымирающим селом, не способным прокормить страну.

В двух отношениях сегодняшняя ситуация более удобна для капитализма. Не надо долго идти к крупному капиталистическому производству на селе: крупное хозяйство было создано еще при суперэлитизме. Но возникает вопрос рабочих рук, профессиональных кадров и инфраструктуры. Никто до сих пор не подсчитал, хватит ли покупательной способности внутреннего потребителя на то, чтобы оплатить такое тотальное перевооружение сельского хозяйства. А если нет — можно ли найти внешние рынки сбыта и, следовательно, внешние заимствования.

Вторым плюсом для сегодняшнего капитализма является отсутствие на селе социальной войны. Социальную войну против капиталиста, как и помещика, могла вести только численно мощная и сильная верой в свою правоту община. Разрозненное, индивидуализированное, деградирующее сельское население, разумеется, не способно на активное массовое сопротивление. Однако оно широко прибегает сегодня к сопротивлению индивидуальному и пассивному (то есть спивается). Еще неизвестно, что хуже.

Можно привести еще много таких примеров из области экономики. Ограничусь одним: налоговая политика. Хорошо известно, что в дореволюционной капиталистической России прямые налоги были малозначительной статьёй государственного бюджета: в 1900 году они принесли казне 7% доходов, в 1907-7,8%, в 1913-7,9% [41]. Подоходного налога не было вообще! [42] А доходы государственного бюджета в основном составлялись из трех источников: из доходов, принесенных казенными

имуществами и капиталами; из «правительственных регалий», в первую очередь винной монополии (в 1913 году «пьяные деньги» составили 899,3 млн рублей из 1024,9 млн рублей «правительственных регалий») и из косвенных налогов (в первую очередь таможенных сборов) — причем в 1906 году доход от винной монополии уверенно превысил даже доходы от казенных имуществ (697,5 млн рублей против 602,6 млн, что и породило хлесткое клеймо «пьяный бюджет»). Но даже и косвенные налоги (с таможенными сборами вместе взятые) никогда не давали не то что половины, а даже четверти доходов бюджета (например, в 1906 году — 494,2 млн рублей из общего дохода в 2272,7 млн, в 1913-708,1 млн из 3417,4 млн рублей) [43].

Все это как небо от земли отличается от налоговой политики правительства постсоветской России, рассматривающих население страны как одну большую дойную корову. Конечно, сегодня дело не доходит, в отличие от, скажем, 1994 года, до того, чтобы предприятия облагались налогами, съедавшими от 80 до 100% (!) прибыли (тогда это делалось, чтобы искусственно обанкротить предприятия и скупить их по дешевке в ходе кампании по приватизации) [44], но все же репутация «государственного рэкетира» у наших налоговых органов — вполне заслуженная.

Очевидно, что общая логика налоговой политики в современной России прямо противоположна таковой в дореволюционной капиталистической России.

Обратимся, наконец, к некоторым социально-политическим и культурным сюжетам.

Во-первых, дореволюционная Россия была государством не просто классовым, а сословно-классовым, а это принципиально сказывалось на всей общественной жизни — и даже жизни хозяйственной (скажем, нет сомнений, что российское сословное — дворянское — государство после реформы 1861 года только тем и занималось, что пыталось спасти дворянское землевладение, а там, где и когда это было невозможно, максимально облегчить участь дворян путем предоставления различных привилегий). Сословное деление умудрилось благополучно дожить до 1917 года несмотря на то, что после 1861 года оно все более откровенно входило в противоречие с принципами капитализма (из мирового опыта мы знаем, что в норме сословное деление является признаком докапиталистических отношений и обычно упраздняется буржуазной революцией).

Между тем сословное деление, естественно, жестко ограничивало уровни свободы в обществе и делало его менее активным, препятствовало развитию, в частности, закрывало многие каналы вертикальной социальной мобильности. В России наличие податных и неподатных сословий (что сразу ставило их в неравное экономическое положение) разлагало вторых и фрустрировало первых. Но еще более важным для обывденной жизни был сам факт существования привилегированных и непривилегированных сословий (и даже полупривилегированных, вроде купцов первой и второй

гильдий: это полупривилегированное положение, однако, позволяло им на законных основаниях откупаться от рекрутской и натуральной повинностей и подушной подати). Жизнь представителей привилегированных и непривилегированных сословий различалась разительно: непривилегированного могли на допросе бить и пытать, привилегированного — никогда (поэтому слухи о пытке Дмитрия Каракозова, дворянина по происхождению, произвели на общество такое устрашающее впечатление, и информация об этом тщательно скрывалась властями); непривилегированных могли подвергать телесным наказаниям (а крестьян пороли даже после того, как формально телесные наказания были отменены); представители привилегированных сословий имели преимущество (до 1906 года) при поступлении на государственную службу и при продвижении по карьерной лестнице; даже после реформ 1860-х годов крупнейшее непривилегированное сословие — крестьянство (подавляющее большинство населения!) не получило доступа к общегражданскому суду.

Более того, власть всячески старалась ограничить доступ представителей «низших» сословий в ряды дворянства (хотя очевидно было, что такое восхождение могли совершить только самые преданные режиму или самые талантливые). Те 1-1,5 тыс. человек, которые ежегодно возводились в дворянское звание, выслужив его по чинам или получив ордена, в 140-150-миллионной стране были каплей в море. Тем более что получить дворянство становилось все сложнее и сложнее: Николай I и Александр II повышали класс (и гражданский, и военный), вводящий в дворянское звание, Александр III усложнил получение дворянства при награждении соответствующими орденами, а Николай II решительно противился (даже накануне Революции 1905 года!) пополнению дворянского сословия за счет крупных землевладельцев из числа «низших» сословий — несмотря на явную классовую глупость таких действий [45].

Классообразование в дореволюционной капиталистической России по сути было завершено (никакие новые классы в XX веке уже не возникли), но сословные и классовые рамки не просто не совпадали, а все сильнее расходились. Если в конце XIX века нормой был рабочий, числящийся сословно «крестьянином» и не порвавший до конца связей с деревней (там могла оставаться семья, туда можно было вернуться при потере работы, в ранний период капитализма распространено было даже возвращение в село с фабрики для работы в страду), то к 1912 году массовым явлением стал наследственный пролетарий (везде, а не только в Царстве Польском и на Урале) — но он, однако, по-прежнему числился «крестьянином».

Не меняя классового состава страны (а меняя лишь долю в численности и весе классов), происходило интенсивное разложение крестьянства как сословия: большинство оставалось классом крестьян (мелких сельских собственников), значительная часть подвергалась пауперизации и отсюда пролетаризации (а какая-то часть

и люмпенизации), незначительная обогащалась и становилась буржуазией (в основном сельской, но не только, определенному проценту удалось даже перейти в купечество).

Параллельно происходил процесс аналогичного разделения мещан и даже дворян. Однако именно сословное деление давало дворянам экстраординарную возможность сохранить социальный статус и социальные перспективы (получить места в госаппарате, например) даже при обеднении и разорении.

Говоря иначе, поскольку сословность была закреплена юридически, капитализм открыл в России единственный канал вертикальной социальной мобильности: личное обогащение (после Революции 1905 года появился, как и должно быть в случае буржуазно-демократической революции, второй — но совсем не массовый — канал: политическая (общественная) карьера, так как Госдума была уже несословным органом).

Принципиально иная картина наблюдается в сегодняшней России. Во-первых, переход к капиталистическому классовому обществу происходил не от докапиталистического классового, а от той модели социального устройства, которая утвердилась в суперэтанализме, где формально общество продолжало оставаться классовым, но классовые различия были вытеснены в сферу надстройки, поскольку экономически представители всех советских классов оказывались в одинаковом положении: все были наемными работниками на службе у государства [46]. Во-вторых, именно в силу перехода от надстроечных (внеэкономических) общественных классов к «нормальным» экономическим общественным классам процесс классовообразования в России чрезвычайно растянулся и не завершен даже сегодня, спустя 15 с лишним лет. Там, где классовообразование завершено, классы устойчивы и относительно стабильны, переходы из одного класса в другой, разумеется, имеют место, но не носят характер массовый и лавинообразный, а тем более не бывает массового «шарахания». В постсоветской России в 1992-1994 годах рабочие и служащие массами превращались в мелких предпринимателей (то есть мелких буржуа) — в основном «челноков» — и пауперов (люмпен-пролетариев), а в 1998 году, наоборот, масса мелких предпринимателей разорилась и превратилась в основном в наемных работников в сфере обслуживания (те же «челноки» утратили свой бизнес и пошли в услужение к «челнокам» более крупным). В 2000-е годы большинство «челночных фирм» было раздавлено крупными торговыми сетями и местной властью — и сотрудники этих фирм вновь вынуждены были массово сменить профиль деятельности.

Причем указанное явление не имеет никакого отношения ни к открытому еще Марксом закону перемены труда (так как не связано с обновлением технологий крупного производства), ни к его специфическому варианту, о котором много писали на Западе в 1960-1970-е годы, когда обновление технологий достигло (из-за НТР) такой скорости,

что стало заставлять работника переучиваться (или, как минимум, повышать квалификацию) несколько раз на протяжении жизни. Описанное выше перемещение рабочей силы (и смена классовой принадлежности) обычно не требует никаких серьезных новых знаний (и старые-то оказываются избыточными) и не влечет за собой повышения социального статуса. Кроме того, оно не касается представителей правящих классов и слоев, во-первых, и очень близко по характеру к феномену прекарной занятости, во-вторых.

В течение 90-х годов не менее 60% населения России неоднократно меняло профиль работы и формальную классовую принадлежность. Я, например, знаю научного работника, ставшего рабочим-сварщиком, затем — охранником, затем — торговцем, затем — управленцем, затем — вновь охранником (с 1994 по 2001 год). Или архитектора, ставшего рабочим, затем — охранником, затем — рыночным торговцем, затем — безработным, затем — «челноком» (1994–1998). Учительницу, ставшую «челноком», затем — рыночным торговцем, затем — театральным менеджером, затем — проституткой, затем — ювелиром, затем — бездомной и безработной (1994–1999).

Классообразование в России не завершено, раз вместо устойчивых трендов перемещения из одного класса в другой (например, крестьян — в пролетарии, как в дореволюционной России) мы наблюдаем сегодня хаотическое «замещение рабочих мест» по довольно случайному принципу с явными диспропорциями спроса/предложения на рынке рабочей силы.

Устоявшаяся классовая структура предполагает передачу классового статуса по наследству (или хотя бы потенцию такой передачи). В России наследники только-только стали появляться — и исключительно на социальных верхах (не считая таких анклавов хозяйственной деятельности, как художественные промыслы и т. п., где профессия и рабочее место передаются из поколения в поколение), а основная часть населения оказалась в положении периодически деклассируемых.

Те же вчерашние работники колхозов и совхозов могли сегодня оказаться кем угодно: сельскими пролетариями и полупролетариями, фермерами, специалистами (ИТР), безработными, неквалифицированными (впрочем, и квалифицированными тоже) рабочими в городе, охранниками, продавцами и т. д.

В отличие от дореволюционной капиталистической России, где шел типичный переход от классовой структуры феодального общества к классовой структуре буржуазного общества, в современной России классовое образование носит причудливый вид, так как одновременно складываются классы и социальные группы, принадлежащие к разным историческим периодам. Этот процесс требует специального изучения — строго научного, не ангажированного, не затененного пропагандистскими установками. Скажем, кем является пресловутый «офисный планктон»: «пролетариатом нового типа», как говорят одни, «коллективным

управленцем», как говорят другие, «временно существующим слоем, паразитирующим на виртуальной экономике», как говорят третьи?

Между тем вопрос классовой структуры современного российского общества не просто не проясняется — наоборот, представители академической (и прикладной) науки, финансово зависящие от государства и большого бизнеса, и не стремятся его прояснить, а, напротив, по мере возможностей запутывают картину (отчасти сознательно, выполняя социальный заказ, отчасти невольно, из-за методологической растерянности (в постсоветский период критерии научности были подвергнуты атаке со стороны идеологии постмодернизма), отчасти же это — отражение факта незавершенности классового образования). В качестве примера явно сознательного затенения сути исследуемого предмета можно привести статью «Социальная структура современного российского общества» такого известного автора, как Татьяна Заславская [47], где непонятно почему и на основе каких методологий предлагалось деление российского общества на четыре слоя, названные без затей — «верхний», «средний», «базовый» и «нижний», причем если заглянуть в приведенные в статье таблицы, то можно обнаружить, что, скажем, чиновники вообще отсутствуют (в отличие от «собственников предприятий и фирм») в этом «исследовании». В статье нет объяснений, кто и почему попадает в тот или иной слой. Но если посмотреть опубликованный на два года позже материал Заславской «Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект», можно узнать, что в «базовый слой», например, включены «массовая интеллигенция, полунинтеллигенция (технические служащие), работники торговли и сервиса, рабочие средней и высокой квалификации, крестьяне» [48]. То есть нищий крестьянин из глубинки и модный парикмахер из «гламурного» салона на Тверской — это представители одного социального слоя! Очевидно, что такой опытный и квалифицированный автор, как Т. Заславская, знает, зачем и с какой целью она пишет и тиражирует столь откровенно антинаучный бред. Кстати, в последней работе и слоев уже почему-то не четыре, а шесть: к упомянутым добавлены «элита» и «социальное дно» [49].

Другим таким же примером «затеняющего» исследования является опрос, проведенный ИКСИ РАН на деньги Фонда им. Ф. Эберта в 2003 году. Этот опрос предполагал (опять же, ничем этого не обосновывая) деление современного российского общества на следующие социальные слои: «высший», «верхняя часть среднего слоя», «средний слой», «верхняя часть слоя рабочих», «рабочие», «самый низший слой» [50]. Тут смешение разных принципов классификации настолько очевидно, что невольно вспоминается абсурдистский стишок: «Летят два крокодила: один — зеленый, другой — на северо-запад...»!

А вот З. Т. Голенкова и Е. Д. Игитханян, авторы статьи «Трудовая занятость и социально-структурные процессы» [51], обнаруживают в России «класс наемных работников», не осознавая, видимо,

что к «наемным работникам» принадлежат и уборщица в детском саду, и премьер-министр Путин, и относить их к одному классу по меньшей мере наивно. Впрочем, из содержания статьи видно, что это, в отличие от материалов Заславской, не злой умысел, а результат методологической растерянности.

Еще забавный пример. Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП) провел в 1997 году опрос, выявляющий как раз классовую структуру российского общества (по самоидентификации). Респондентам были предложены всего три варианта ответа: «высший класс», «средний» и «низший». Других классов в России нет! Исследователи констатировали, что к «низшему» классу себя относят в основном «представители старшего поколения», безработные, пенсионеры (интересно, чем они отличаются от «представителей старшего поколения?»), рабочие и сельские жители. К «высшему» — «представители молодежи», предприниматели, студенты (очевидно, это не «представители молодежи»), гуманитарная интеллигенция (однако!). Рассказ об опросе сопровождается разъяснением: «Речь, разумеется, не идет о классическом делении общества на социальные классы» [52]. А почему, собственно?!

Впрочем, трудно ожидать чего-либо другого от отечественной официальной социологии, прошедшей советскую школу конструирования такой картины социальной реальности, которая удобна «верхам». Знаменитый скандал на социологическом факультете МГУ лишь сделал достоянием гласности реальное положение в нашей социологии.

Но это не отменяет того факта, что социальная структура современной России не исследована и не осмыслена, хотя и очевидно, что она радикально отличается от социальной структуры дореволюционной капиталистической России.

Скажем, огромное количество (никто не знает какое) тружеников занято на прекарной работе. И их временная занятость отличается от временной занятости в дореволюционной России, где временно (сезонно) занятыми оказывались в основном крестьяне, находившие в прекарной занятости источник дополнительного дохода. Сегодня в России прекарно занятыми оказываются люди независимо от специальности — начиная с сельскохозяйственных рабочих и кончая представителями творческих профессий. Первые пребывают в положении, близком к положению сезонных сельскохозяйственных рабочих в дореволюционной Кубе (то есть особого социального слоя, массово, синхронно и регулярно переходящего из положения пролетария в положение люмпен-пролетария и обратно), вторые — в положении, близком к положению классической богемы из книги Мюрже. Однако это лишь аналогии, которые не вскрывают сути явления.

Перевод наемных работников на прекарную занятость — общемировая тенденция и часть экономической стратегии неолиберализма, направленной на разрушение традиционных механизмов

солидарности и коллективизма среди угнетенных и эксплуатируемых слоев и классов, на создание настолько атомизированного общества, чтобы оно не могло оказывать сопротивления неолиберальному грабежу [53].

Но специфика российского прекариата не выявлена, и его социальное содержание не изучено и не прояснено. Академическая социология отмахивается от подобных проблем, как это делает Т. Заславская, которая просто записала 5% «работающего населения России» в «социальное дно» («хронически безработные, бездомные, беспризорные, бродяги, алкоголики, наркоманы, проститутки, мелкие преступники и другие группы, социально исключенные из большого общества») — и дальше о них ничего не говорит [54]. Между тем не менее знаменитый и уважаемый, чем Заславская, автор — Наталья Римашевская — на основе исследования, проведенного в 1996 году ИСЭПН РАН, оценила размеры «социального дна» в 10,8 млн человек, причем в эту категорию было включено меньшее число групп, чем у Заславской — только четыре: нищие (3,4 млн человек), бомжи (3,3 млн), беспризорники (2,8 млн), уличные проститутки (1,3 млн) [55]. Очевидно, что 10,8 млн человек — это не 5% «работающего населения», а гораздо больше. Если же к ним прибавить другие группы из списка Заславской, этот процент еще возрастет — и уж явно превысит не только те 0,5%, которые Заславская записала в «элиту», но даже и те 6,5%, которые ею записаны в «верхний слой». Это при том, что алкоголика Ельцина (и многих других алкоголиков и наркоманов из «элиты» и «верхнего слоя») Заславская в «социальное дно» не записала и что такое «мелкие преступники» (и не являются ли их доходы более высокими, чем доходы многих честных «работяг»), не объяснила.

Огромное распространение (не только в строительном бизнесе) получило в современной России использование рабской силы. Причем, вопреки расхожему мнению, на положении новых рабов оказываются далеко не одни только «гастарбайтеры». Масштабы этого явления точно не известны и не изучены — в частности, в силу его криминального характера, а значит, и прямой угрозы для жизни исследователя. Официальные данные, безусловно, не отражают действительности, поскольку исходят из тех самых «правоохранительных органов», которые и «крышуют» этот криминальный бизнес. Разумеется, широкое использование нового рабского труда — общемировое явление, это еще одна составная часть экономической стратегии неолиберализма [56]. Но это не отменяет того факта, что новое рабство в России не изучено, а место новых рабов в социальной структуре общества не осмыслено. Кто они? По степени обездоленности, отношению к средствам производства и месту в общественной организации труда это вроде бы пролетариат. Но труд пролетария оплачивается — по сложившейся на рынке цене. И пролетарий принуждается к труду экономически, а большинство новых рабов — сложной комбинацией экономических

и внеэкономических мер принуждения. Кстати, в категорию новых рабов попадает значительная (никто точно не знает какая) часть проституток (и уличных, и бордельных).

Отказ официальных общественных наук от своей прямой обязанности — изучения социальной реальности — в качестве зеркальной реакции вызывает к жизни не менее фантазмагорические представления о социальной структуре современного российского общества в кругах левой оппозиции. В частности, вновь широкоупотребляемым стал термин «пролетариат». Наши левые думают просто: раз вновь есть капитализм — значит, вновь есть и пролетариат.

Между тем пролетарий, как явствует из первоначального смысла этого слова — это тот, у кого нет никакой собственности, кроме детей. Именно поэтому он вынужден продавать свою рабочую силу, чтобы не умереть с голоду. Много ли таких — соответствующих этому описанию — «пролетариев» в современной России? Далеко не случайно советская пропаганда не называла советский рабочий класс пролетариатом. Он им и не был. Современный российский рабочий класс, вышедший непосредственно из советского прошлого, также *en masse* не является пролетариатом. Разве он живет в казармах или ютится по углам? Разве он не обладает специальным техническим образованием? А определенный процент — пусть меньше пресловутых 27% накануне «перестройки» — имеет высшее образование, которое само по себе является в рыночной экономике капиталом. Разве у значительного процента современных российских рабочих нет дополнительных источников дохода (таких как нелегальный частный извоз или сдача жилья в наем)? Разве, перефразируя известное высказывание Маркузе [57] об «обнищании», нельзя о них сказать: «Рабочую семью, которая имеет не только машину, но две машины, не только квартиру, но две квартиры, может быть, и можно назвать пролетариями, но вряд ли такие пролетарии будут революционными?»

Именно последнее обстоятельство должно бы особенно заинтересовать наших левых, поскольку с подобным явлением российская история уже сталкивалась. Я имею в виду знаменитое антибольшевистское Ижевско-Воткинское восстание и формирование затем ижевско-воткинских рабочих полков (первоначально Повстанческой народной армией, воевавшей затем под красным флагом в составе войск Колчака). Ижевско-воткинские рабочие в большинстве своем были потомственными квалифицированными рабочими, образованными, состоятельными, имевшими (кроме неженатой молодежи, естественно) обычно свой дом с хозяйством и участком, нередко сдававшими жилье (дополнительный доход) и аполитичными. Грамотности их вполне хватило на то, чтобы верно определить свои коллективные интересы — интересы наемного работника и мелкого собственника одновременно — и поддержать Февральскую революцию, но отвергнуть большевиков. Февральская буржуазная республика

(и даже конституционная монархия) их вполне устраивала — тем более в случае, когда им гарантировалось не только политическое равенство, но и представительство их особых интересов через Советы. Именно это и определило контрреволюционную социалистическую (внешне — эсеро-меньшевистскую) позицию ижевцев и воткинцев.

А ведь именно их образ жизни в максимальной степени напоминает образ жизни современных российских рабочих.

Кроме того, разве является современный российский рабочий класс, подобно пролетариату царской России, опережающим классом? Разве он выделяется высоким уровнем грамотности среди почти сплошь неграмотного населения? Разве именно он занят в наиболее технологически и научно сложных отраслях экономики?

Наконец, проникнут ли он — пусть даже стихийно, на невербализированном уровне — классовым духом? А ведь именно этот стихийный классовый дух обеспечил столь успешное внедрение социал-демократических идей в рабочую среду.

У нас же, как выяснилось из опросов ФОМ в 2001 году, лишь 6% респондентов (и необязательно рабочих) определили себя в классовых категориях [58]. И лишь 3% опрошенных наемных работников проявили классовое сознание, противопоставив себя работодателю в оппозиции «мы — они» [59]. Причем понятие «наемный работник» вовсе не идентично понятию «рабочий»!

Очевидно, таким образом, что социальная структура дореволюционной капиталистической России нам хорошо известна, а современной — нет. Но сомнений в их резком различии тоже нет.

Во-вторых, принципиально отличаются друг от друга правящие классы в дореволюционной капиталистической России и в России сегодняшней.

В дореволюционной России правящим классом было дворянство, то есть в основе своей помещики, класс феодалов — и дворянство оставалось правящим классом даже после реформ 1860-х годов и даже после Революции 1905 года, когда российская монархия стала быстро эволюционировать в сторону типичной буржуазной монархии.

Да, конечно, существует старая — предложенная еще дворянско-буржуазной историографией — теория надклассового характера государственной власти (и, следовательно, бюрократии) в России — и этой теории отдал дань даже Плеханов. Но эта теория вполне опровергается конкретными знаниями — об откровенно классовой (продворянской) политике царизма, о дворянстве как крупнейшем собственнике средств производства, о преимущественном положении дворянства в бюрократическом аппарате. Собственно, высшая и средняя бюрократии формировались из дворянства — и, как известно, классовая однородность их обеспечивалась по сути автоматическим получением дворянства при достижении определенных классов Табели о рангах. Одновременно дворянство составляло гарантированное большинство офицерского корпуса царской России, несмотря на все возможности продвижения по службе — особенно

во время войны — «нижних чинов». По подсчетам П. А. Зайончковского, единственным разрядом вооруженных сил (из семи), где потомственные дворяне в конце XIX века не составляли большинства офицерского корпуса, была регулярная пехота. Но поскольку 46% офицеров, не являвшихся потомственными дворянами, были детьми личных дворян, суммарно дворянское преобладание в офицерском корпусе оставалось не поколебленным [60]. По данным П. Кенеца, перед I Мировой войной доля потомственных дворян среди офицеров даже статистически ощутимо выросла [61].

Единственным претендентом на роль нового правящего класса была, естественно, буржуазия, формирующаяся различно — но и в рядах буржуазии немалый процент составляли сословные дворяне. Однако российский буржуазия (даже крупная) была исключительно труслива (что показал 1905 год) и в массе своей склонна приспосабливаться к интересам (и диктату) дворянства, а то меньшинство, которое демонстрировало оппозиционность, стремилось всего лишь добиться участия во власти в качестве младшего партнера дворянства (если это — оппозиционность, то, надо признать, очень умеренная). Разумеется, буржуазия, как коллективный денежный мешок, могла оказывать — и оказывала — давление на бюрократию в целом, подкупая ее и заставляя учитывать свои интересы, но все же не в прямой ущерб коренным интересам правящего класса (дворянства) и не до такой степени, чтобы действительно, как это получалось у Покровского, превратить бюрократию в агента торгового капитала [62].

Совсем по-иному выглядит ситуация в современной России. Нынешний правящий класс — бюрократ-буржуазия — формировался с невероятной скоростью (вынужденно, впрочем) в условиях, когда невозможно было опереться на владение средствами производства для реализации претензии на роль правящего класса: средства производства в СССР принадлежали государству. Вместо собственности в качестве аргумента можно было предъявить только власть и силу. Поэтому основу нового правящего класса сформировала советская партгосхозбюрократия (номенклатура), присоединившая к власти собственность (то есть приватизировавшая государственную собственность по выгодным для себя схемам, поскольку она сама же и установила правила приватизации, и осуществляла контроль над их соблюдением). Этим бюрократ-буржуазия отличается от обычной буржуазии, которая сначала долго (иногда столетиями) накапливает собственность (начиная с торгового капитала), а только затем заявляет о своих претензиях на власть [63].

Бюрократ-буржуазия не является исключительно постсоветским феноменом. Это — явление, типичное для постколониальных стран, где такой правящий класс вырос из местной (колониальной) бюрократии, прибравшей к рукам колониальную (государственную) собственность после ухода колонизаторов (а иногда к рукам прибиралась и частная собственность бывших колонизаторов)

[64]. Особенно хорошо образование и поведение бюрократ-буржуазии в постколониальных странах описаны на примере Индонезии, где в ходу был термин «кабиры» (капиталистические бюрократы). Мне уже неоднократно приходилось об этом писать [65].

Новый правящий класс складывался из разных социальных групп. Номенклатура была, конечно, крупнейшей, но первоначально второй по численности (до 40%) группой были уголовники, в первую очередь «теневики» [66]. Собственно, только они и номенклатура сознательно готовились в период «перестройки» к переходу страны к капитализму, надеялись стать «новой элитой» при новом строе и предпринимали для этого практические шаги. Тогда же они нашли друг друга и завели обширные деловые связи, воспроизведя в точности те же самые схемы, которые уже были опробованы уголовным миром и частью бюрократии в период нэпа [67].

Однако в исторически краткие сроки (в течение 10 лет) бывшая номенклатура вытеснила уголовников (так называемых бандитов) на периферию правящего класса, во многих случаях отняв у них собственность и часто вынудив уехать из страны. Эта победа объясняется не только юридической уязвимостью «бандитов», но и куда большим социальным весом номенклатуры, тем, что она раньше всех других социальных групп ощутила себя «классом для себя», и тем, что именно номенклатура имела максимальный опыт хозяйствования, управления реальной экономикой, вне зависимости от формального наименования должности в советский период [68].

Другие социальные группы, пытавшиеся влиться в новый правящий класс, в силу своей аморфности и малочисленности не смогли составить никакой конкуренции бюрократии и либо растворились в ней, либо оказались в рядах «новой буржуазии» — хотя и имущественно привилегированного класса, но зависимого от бюрократ-буржуазии и подвергающегося с ее стороны постоянному давлению (в первую очередь в форме государственного рэкета) [69].

Была еще одна группа, участвовавшая в формировании нового правящего класса и первоначально очень бросавшаяся в глаза: группа научных работников (в первую очередь экономистов, но не только). Самые известные представители этой группы: Бурбулис, Березовский, Гайдар, Чубайс, Авен. Брошенная в раздражении представителем советской номенклатуры Черномырдиным фраза «Правительство завлабов!» создала в обществе преувеличенное представление о размерах и влиянии этой группы в составе «новой элиты». Тем более что такое представление льстило самолюбию российской «демократической интеллигенции». В своих ранних статьях даже наиболее известный исследователь «новой российской элиты» Ольга Крыштановская отдала дань этой иллюзии.

Это естественно. В эпоху «первого издания капитализма» представители научных кругов, вошедшие во власть- и бизнес-элиты, также особенно

сильно бросались в глаза современникам. Это зафиксировал даже Некрасов в «Героях времени»:

В каждой группе плутократов —
Русских, немцев ли, жидов —
Замечаю ренегатов
Из семьи профессоров.
Их история известна:
Скромным тружеником жил
И, служа науке честно,
Плутократию громил,
Был профессором, ученым
Лет до тридцати,
И, казалось, миллионом
Не собьешь его с пути...
Вдруг — конец истории —
В тридцать лет герой —
Прыг с обсерватории
В омут биржевой!.. [70]

Профессором механики был, в частности — до того, как стал членом правлений разных акционерных обществ и министром финансов — неоднократно упоминавшийся выше И. А. Вышнеградский.

Однако в эпоху «первого издания капитализма» быстро выяснилось, что «профессора» — это скорее исключение, чем правило. Точно так же в современной России скоро обнаружилось, что «научные работники» не составили внутри бюрократ-буржуазии отдельную группировку с особыми интересами и вообще удельный вес их в составе «новой элиты» был более чем сильно преувеличен. Не случайно в итоговой книге О. Крыштановской ничего об этой группе уже не говорится. Зато там автор вновь подтверждает преобладание среди «новой элиты» номенклатуры и особо отмечает тот факт, что даже у тех 39% процентов обследованных представителей «бизнес-элиты», кто не имел номенклатурного прошлого, в массе обнаружилось номенклатурные корни: у 36,8% номенклатурными работниками были отцы, у 18% — матери [71].

Это, помимо прочего, значит, что как раз правящий класс России в основном уже сформировался и каналы эффективной вертикальной мобильности, позволяющие пополнять ряды этого класса, на глазах закрываются, если уже не закрылись. Это констатирует и Л. Б. Косова, автор исследования «Вертикальная мобильность — неравенство возможностей» [72]: «социальный лифт» работает уже в основном лишь для «социальной элиты».

Бюрократическое происхождение нового правящего класса, помимо прочего, влечет за собой безудержный рост в стране собственно бюрократии: к 2000 году число чиновников в России (если сложить вместе бюрократов верхнего и среднего уровня — обычно этого почему-то не делают, забывая о среднем уровне аппарата) достигло 6 млн 203 тыс. человек! [73] Это делает новый правящий класс, прямо связанный и перемешанный с собственно бюрократией, даже более паразитичным, чем класс феодалов (те, во всяком случае, были — или должны были быть — профессиональными воинами) [74].

Конечно, дореволюционная Россия тоже славила как царство бюрократии. Фраза Николая

I о сорока тысячах столоначальников, которые и управляли на самом деле страной, широко известна. Но тогдашнее царство бюрократии и сегодняшнее — это два разных царства. В дореволюционной России правящий класс конструировался по принципу: сначала помещик (владелец средств производства) — потом бюрократ. В современной России наоборот: сначала бюрократ — потом владелец средств производства (капиталист). Это — принципиально противоположные стартовые условия *sine quibus non* формирования и правящего класса, и бюрократии. Кроме того, индивидуально каждый дворянин был наследником собственности, в то время как каждый бюрократ-буржуа является захватчиком чужой (обычно государственной) собственности. Два указанных фактора диктуют совершенно иное экономическое (политическое, социальное) поведение дореволюционного и современного правящих классов в России (частным случаем чего являются, скажем, размещение средств Стабфонда в западных ценных бумагах, помещение денег А. Усмановым именно в исландский банк или покупка Р. Абрамовичем клуба «Челси»).

В-третьих, абсолютно различаются — и по состоянию, и по тенденциям — положения в двух капиталистических Россиях в сфере образования, науки и культуры.

В дореволюционной капиталистической России образование — хотя и недопустимо медленно — распространялось на все общество, добиваясь новых и новых успехов. Притом реальные сдвиги к лучшему в этой области начались именно с приходом капитализма. Феодальная Россия была царством неграмотности и дикости. «Очаги культуры» были слишком слабы и носили сословный, а то и — в случае со старообрядцами, например — сословно-оппозиционный характер. Из 12 государственных («императорских») университетов (включая Гельсингфорсский, где преподавание шло на шведском), существовавших в царской России накануне Революции 1917 года, четыре (Новороссийский в Одессе, Томский, Саратовский и Пермский) были открыты уже в пореформенное время. После Революции 1905 года были открыты и все три народные университета (им. Шанявского в Москве, Томский и Нижегородский). Высшие женские курсы, политехнические и технологические институты тоже возникли в капиталистической России. Если к концу царствования Александра II неграмотных в России было около 84%, то к концу царствования Николая II неграмотных старше 9 лет было уже 73%. Не слишком впечатляющий, но безусловный прогресс, поскольку речь идет о миллионах [75].

Разумеется, рост и развитие образования в России были напрямую связаны с тем, что все усложнявшаяся (в частности, технически) и диверсифицировавшаяся экономическая машина капитализма требовала все большего и большего числа грамотных и образованных кадров. Конечно, культурную революцию в России смогли осуществить уже только большевики; разумеется, отставание России было напрямую связано с реакционной, консервативной позицией «верхов» (вспомним

позорную политику Д. А. Толстого, И. Д. Делянова, К. П. Победоносцева, Л. А. Кассо и др.), но тенденция развития очевидна.

«Второе издание капитализма» получило в наследство от советской власти не просто страну всеобщей грамотности, а страну, перешедшую ко всеобщему полному среднему образованию, с огромным количеством учебных заведений, в том числе вузов, значительная часть которых давала образование вполне на мировом уровне.

С самого начала новая, капиталистическая власть занялась разрушением системы образования, именуя это разрушение, разумеется, «реформами». Причина была проста: новый правящий класс не видел, каким образом существовавшая система образования может привести к обогащению бюрократ-буржуазии, а других интересов у нее тогда не было. Но у «реформ» (их было несколько, включая недоовощенные) была и стратегическая цель: создание двухуровневого образования — качественного и дорогого для многочисленной «элиты», некачественного (но желательного тоже дорогого) для остальных. Смысл этих действий — закрепить социальную дифференциацию путем отсечения «низов» (то есть основной массы населения) от качественного образования, следовательно, знаний, что лишит их возможности конкурировать (как в профессиональной, так и в общественной сфере, включая политику) с «элитой» (то есть бюрократ-буржуазией и обслуживающими ее интересы группами интеллигентов) [76].

Результаты этих «реформ» (в сочетании, естественно, с экономическими «реформами» и вызванными ими социальными бедствиями, ударившими в значительной степени по молодежи, такими как взрывной рост наркомании, детских и подростковых алкоголизма, бездомности и проституции) хорошо известны и за последние 15 лет неоднократно описаны: появление большого количества неграмотных (в первую очередь среди бездомных и беспризорных — но далеко не только); впечатляющая деградация средней школы, где чудовищно упало качество образования, вплоть до того, что из 11 класса выходят малограмотные; создание — в рамках концепции коммерциализации образования — огромного числа псевдовузов (обычно филиалов), выдающих дипломы, но не дающих практически никаких знаний; такое изменение содержания образования (в первую очередь в гуманитарных и общественных дисциплинах), когда научные подходы и научные методики оказались подменены антинаучными, мракобесно-мистическими или откровенно шарлатанскими [77].

Разумеется, советская система образования не была идеальной. К 80-м годам она уже откровенным образом перестала удовлетворять потребностям общественного и экономического развития СССР и нуждалась в радикальной перестройке. Это понимало даже геронтократическое советское руководство — отсюда «алиевская» реформа 1984 года. Но система образования в современной капиталистической России не только не выполняет

свои задачи (пусть плохо), но даже уже не соответствует своему названию [78].

То есть в дореволюционной капиталистической России образование развивалось (во всяком случае, двигалось от крайне низкой стартовой позиции в сторону прогрессивных тогда мировых образцов), в современной России — деградирует (движется от достаточно благоприятной стартовой позиции к худшим образцам «третьего мира»).

Аналогично выглядит ситуация с наукой. Именно в период дореволюционного капитализма Россия заняла наконец достойное место в мировом научном сообществе. Это объяснялось тем, что в науку (в первую очередь в естественные науки) пришло то же самое поколение материалистически и демократически настроенных разночинцев, радикально-политическое крыло которых в те же годы составило основу революционного движения. Объективные потребности капиталистического развития дали возможность материального обеспечения (пусть в недостаточном объеме) российской науки, в том числе и ее фундаментальной, теоретической составляющей.

Да, конечно, по сравнению с Западом Россия оставалась научной провинцией, но это была крупная и вполне уважаемая провинция. Именно в этот период сложилось такое ценнейшее явление российской науки, как научные школы, просуществовавшие (и развивавшиеся) всю советскую эпоху. Именно в этот период получили образование и /или начали научную деятельность те советские ученые, которые обеспечили превращение науки из университетско-академического заповедника в научный комплекс в 20-30-е годы XX века и (кого не выкосила термидорианская коса сталинского террора) научно-технический прорыв 50-60-х годов. Именно дореволюционная капиталистическая Россия могла похвастаться такими всемирно известными именами, как П. Л. Чебышев, А. М. Ляпунов, А. Г. Столетов, А. М. Бутлеров, Д. И. Менделеев, В. В. Докучаев, И. М. Сеченов, И. И. Мечников, Н. И. Пирогов, Н. И. Бекетов, И. П. Павлов, В. М. Бехтерев, К. А. Тимирязев, М. М. Ковалевский, В. И. Вернадский, С. В. Ковалевская и другие. Я намеренно практически не упоминаю здесь имен историков и философов, поскольку «достижения» Юркевича, Бердяева и тому подобных персонажей представляются мне крайне сомнительными (откровенно говоря, обычным шарлатанством), а теоретический уровень (способность к анализу, обобщению и построению гипотез) знаменитых историков того периода, таких как С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, откровенно не дотягивает до мирового (а уж писания таких «корифеев исторической мысли», как С. Ф. Платонов или В. И. Герье — вообще позорище).

Конечно, дореволюционная наука развивалась не благодаря, а вопреки правящему режиму. Травля прогрессивных ученых, преследования их как «политически неблагонадежных» были в тот период обычным делом. Широко известны травля К. А. Тимирязева (в частности,

князем Мещерским), М. М. Ковалевского (вынужденного эмигрировать), И. М. Сеченова, чья работа «Рефлексы головного мозга» вообще считалась (с подачи церкви) «революционной пропагандой», судьба С. В. Ковалевской, вынужденной работать за границей. Менее известны (а сегодня просто забыты) травля А. Г. Столетова, которому не дали реализовать его мечту — Физический институт, чье избрание в академики было заблокировано великим князем Константином Константиновичем, и которого таким образом (а также и «делом 42 профессоров») довели до смерти [79]; или травля Д. И. Менделеева, которого по указанию «сверху» забаллотировали на выборах в Академию наук в 1880 году, что вызвало всероссийский скандал, и который вынужден был покинуть Петербургский университет в результате конфликта с Деляновым из-за студенческих волнений в 1890-м [80]; или отстранение В. В. Докучаева от должности директора Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоведения в 1895 году и запрет властей на создание кафедры почвоведения, что спровоцировало тяжелое нервное заболевание ученого, сведшее его в могилу [81]. Великого химика А. М. Бутлерова реакционеры отстранили в 1863 году от должности ректора Казанского университета и систематически травлили в Академии наук, чем спровоцировали его знаменитую статью «Российская или только императорская Академия наук?», а после его смерти министр образования запретил подписку на сооружение памятника Бутлерову в Казани (это как же надо ненавидеть человека!) [82]. Второго русского нобелевского лауреата И. И. Мечникова (состоявшего всю жизнь под надзором полиции!) с помощью изощренной провокации вынудили уйти из Новороссийского университета и уехать за границу [83].

Сегодня — все по-другому. Видного члена вроде бы оппозиционной КПРФ Ж. И. Алферова никто не преследовал и до получения им Нобелевской премии. Печатают сегодня ученые могут что угодно — от откровенного бреда до прямой критики режима (но микроскопические тиражи делают эту критику бессильной). Однако финансовая зависимость от государства, крупного капитала или, как вариант, зарубежного грантодателя быстро превратила большую часть гуманитарного научного сообщества в откровенно рептильную. Избрание академиком РАН А. Н. Яковлева, научная ценность трудов которого заведомо равна нулю, и А. И. Солженицына, который не мог отличить (академик филологии!) глагол от прилагательного [84], — яркое доказательство патологичности ситуации. Диссертационный критерий вовсе отпал, диссертации стали предметом престижа чиновников, поставлены на поток и сплошь и рядом пишутся «неграми» [85]. Скандальная история с диссертациями Д. Ф. Аяцкова едва не привела к расправе над саратовским историком с мировой репутацией Н. А. Троицким. Скандал с плагиатом в диссертации В. В. Путина ВАК и прочие инстанции постарались просто не заметить.

Печальному положению научного комплекса

страны в последние 15 лет посвящены буквально тысячи статей. Ситуация хорошо описана и проанализирована (статьи эти в основном писали и пишут сами научные работники, которых учили думать и анализировать). Во-первых, за истекший период произошло разрушение большинства научных школ, поскольку значительная часть ученых уехала за рубеж, наука резко постарела и возник «демографический провал» — последним представителям старых советских научных школ просто некому передавать свои знания и опыт (молодежь не идет в науку ввиду нищенских зарплат или же очень скоро эмигрирует). Во-вторых, в условиях хронического недофинансирования замерло развитие большинства перспективных направлений. В-третьих, значительная часть фундаментальных исследований оказалась либо заморожена, либо ликвидирована, либо перенесена за рубеж — так как и чиновники, и капитал требуют быстрой финансовой отдачи и просто не понимают значения теоретических, фундаментальных исследований. В-четвертых, наука стала активно вытесняться (это касается и вопросов финансирования) паранаукой, всевозможными шарлатанскими «академиями торсионных полей», «экстрасенсорного восприятия» и т. д. — что явилось результатом мощной атаки на научные, материалистические позиции (в том числе со стороны церкви) под лозунгом «борьбы с коммунизмом», с одной стороны, воинствующего невежества постсоветского чиновничества — с другой, и моды на постмодернизм — с третьей. Результат воздействия последнего явления хорошо иллюстрирует скандальная история с публикацией в ВАКовском журнале статьи «Корчеватель: алгоритм типичной унификации точек доступа и избыточности», созданной при помощи программы SCIdgen, генерирующей псевдонаучные тексты [86].

Вопреки правительственной пропаганде, в путинско-медведевский период, при министре А. А. Фурсенко никаких принципиальных перемен к лучшему не произошло, а просто стихийный процесс деградации науки сменился сознательной и продуманной планомерной политикой. «Стратегия Фурсенко» хорошо проанализирована Е. В. Водопьяновой в статье «Судьбы российской науки» [87]. Водопьянова фиксирует следующее: намерение власти (озвученное Фурсенко) резко сократить объем науки в народном хозяйстве, превратив ее в «компактный комплекс», что позволит серьезно уменьшить финансирование и заставит ученых заниматься тем, что власть именует «инновационной деятельностью», но что на самом деле является приземленными, мелкотемными исследованиями и разработками. Это происходит на фоне все большего попадания российской науки в зависимость от западной (через гранты, зависимость от образования, тематическую и методологическую зависимость), быстрого старения кадров (по оценке Водопьяновой, через 10 лет подавляющее большинство активно работающих ученых подойдет к 70-летнему рубежу, возрастная группа 35-45-летних микроскопична), массового

выезда наиболее талантливой молодежи за рубеж (не только по финансовым соображениям), резкого падения качества исследований, настойчивых попыток власти совместить академическую науку с университетской по типу американских «исследовательских университетов» (что в условиях несопоставимых зарплат и преподавательских нагрузок просто убьет всякую научную деятельность преподавателей), катастрофического падения престижа ученого, прекращения популяризации науки и превращения большинства оставшихся от советских времен научно-популярных изданий в паранаучные и полуокультурные. По оценке Водопьяновой, через 15 лет при реализации «стратегии Фурсенко» о большой науке в России можно будет забыть. А это обеспечит гарантированную второразрядность России на мировой арене.

Поскольку «стратегия Фурсенко» разработана не лично Фурсенко (он вообще стал министром исключительно как друг Путина и его сосед-соучредитель по дачному кооперативу «Озеро» [88] — то есть это первый за 150 лет отечественный министр образования и науки, к которому идеально подходят эпиграммы Н. Ф. Щербины на министра А. В. Головнина! [89]), а является продуктом социального заказа правящего класса, очевидно, прогноз Е. В. Водопьяновой имеет все шансы воплотиться в жизнь.

Итак, в дореволюционной капиталистической России мы имели пусть медленно, пусть под гнетом церковной и политической цензуры, но развивавшуюся науку, сегодня мы имеем науку стагнирующую и деградирующую — с перспективой возвращения на уровень ниже уровня «первого издания капитализма».

То же самое можно сказать и о культуре. Здесь можно даже не вдаваться в детали. Достаточно, обратившись к литературе, спросить: где современный Лев Толстой? Достоевский? Салтыков-Щедрин? Тургенев? Чернышевский? Некрасов? А. Н. Островский? Лесков? Тютчев? Куприн? Чехов? Глеб Успенский? Короленко? Гаршин? Горький? Вересаев? И т. д., и т. д., и т. д.

Я намеренно не беру авторов (в основном, как известно, поэтов) «серебряного века», поскольку те, кто видел оригинальные книги их стихов («алконостовские» и т. п.), знают, что выходили они микроскопическими тиражами (200-500 экземпляров) и, как следует из рекламных объявлений на последних страницах и обложках, по пять-десять лет не могли разойтись и лежали на складах издательств. А ведь это были книги будущей гордости «серебряного века» — Андрея Белого, Марины Цветаевой, Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама... Разве что «старшие символисты» — Брюсов, Блок, Бальмонт и Сологуб — избежали такой печальной участи. То есть знаменитая поэзия «серебряного века» по большей части была даже «образованным обществом» не востребована и ему не нужна. Только культурная революция, проведенная большевиками, в результате которой широкие слои были приучены к серьезному чтению и им было навязано

серьезное восприятие литературы и в частности поэзии (на основе экстраординарного эмоционального напряжения, порожденного революцией и Гражданской войной) [90], сделала эту поэзию общественно востребованной.

Абсолютно несравнимо и положение толстых литературных журналов в двух капиталистических Россиях. Как известно, литературные журналы в дореволюционной России были властителями дум. И дело лишь отчасти объяснялось качеством беллетристики. В значительной степени, как всем известно, влияние литературных журналов определялось тогда уровнем и качеством литературно-художественной критики и публицистики. Можно сколько угодно говорить, что специфические подцензурные условия царской России взвалили на литературную критику и публицистику не свойственные ей функции философской, социологической и политической литературы, но, во-первых, толстые журналы не утратили своей роли и в период после 1905 года, когда философская, социологическая и политическая литература уже не принуждены были по цензурным соображениям маскироваться под литературную критику и публицистику, а во-вторых, давайте скажем прямо, положив руку на сердце, что среди нелитературных авторов толстых литературных журналов сегодня что-то не видно фигур, по таланту, смелости, виртуозности владения словом и способности влиять на общественное мнение сравнимых с Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, Некрасовым, Герценом или хотя бы с Михайловским, Страховым, Варфоломеем Зайцевым или Ивановым-Разумником.

Толстые литературные журналы в современной России влачат жалкое существование, превращены в «междусобойчики» и интересны по большей части только самим авторам, их друзьям (не друзьям) и родственникам да профессиональным филологам, почти сплошь занудным и скучным до зевоты и неталантливым до отвращения. Это при том, что в дореволюционной капиталистической России литературные журналы подвергались преследованиям и закрывались властями, существуя (финансово) на свой страх и риск, а сегодня они никаким цензурным преследованиям не подвергаются, и значительная часть их поддерживается либо государством, либо крупным капиталом (как журнал «Знамя»). О полном отсутствии сатирических литературных журналов я уж и не говорю. Дореволюционная капиталистическая Россия могла похвастаться Минаевым, Курочкиным, Бурениным, двумя Вейнбергами, Леманом, Потемкиным, Сашей Черным, Lolo (Мунштейном), Амфитеатовым и т. д., сегодняшняя — никем (простите, но Емелин на эту роль не тянет).

Аналогично выглядит и ситуация с театром. Несмотря на все проблемы, с которыми сталкивался театр в дореволюционной капиталистической России, можно смело говорить о выраженных тенденциях демократизации театрального искусства, его усложнения и повышения социальной ответственности, а следовательно, и социальной роли.

Вклад в развитие русского и мирового театрального искусства «нового театра» 60-х, Островского, Чехова, Прова Садовского, Стрепетовой, Московского художественного театра, Ермоловой, Комиссаржевской, Таирова, Мейерхольда и Евреинова широко известен и неоспорим. В сегодняшней России, где театр превращен в массу своей в место обслуживания художественных вкусов «новых богатых», театральное искусство деградирует такими темпами, что скоро о собственно искусстве говорить уже будет нельзя. Известно, что актеры в основном неумны (ум актера противодействует воплощению режиссерского замысла), но в отсутствие «советской цензуры» быстро выяснилось, что почти поголовно неумны у нас и театральные режиссеры. Во всяком случае, настойчивое сведение всего богатства жизни к пошлости, скабрзности и примитивной сексуальности прямо говорит об умственном уровне и отечественных театральных режиссеров, и той публики, что «хавают» это «искусство» [91]. Все это сопровождается падением общего исполнительского уровня. Если раньше театральной «звездой» был действительно гениальный актер Смоктуновский, то теперь в «звездах» ходит Безруков, играющий во всех спектаклях (как, впрочем, и фильмах) одну и ту же роль.

Если обратиться к музыке, то можно, по примеру литературы, спросить: где современный Чайковский? Римский-Корсаков? Мусоргский? Балакирев? Бородин? Антон Рубинштейн? Глазунов? Скрябин? Рахманинов? Об исполнителях я не говорю. Русские музыкальные исполнительские школы сформировались в начале XX века и благополучно просуществовали весь советский период. Активному разрушению они подверглись уже в новый, капиталистический период, при том что все лучшие исполнители, сформировавшиеся еще в советской школе, уехали за рубеж.

Еще забавнее говорить об изобразительном искусстве. Дореволюционная капиталистическая Россия дала пример преодоления рептильного академизма и явила богатейший урожай талантов — от передвижников до «мирискусников», «Бубнового вала» и супрематизма. Современная Россия может похвастаться только убогим (хотя и претенциозным), но совершенно ненужным и неинтересным обществу (и потому не влияющим на общественную жизнь) «актуальным искусством».

Возможно, единственная область культуры, которая сегодня находится примерно в таком же состоянии, как и в дореволюционной капиталистической России, — это балет. Большую часть эпохи «первого издания капитализма» в России отечественный балет пребывал в кризисе и застое, будучи чем-то вроде придворной игрушки и поставщика содержания для членов императорской семьи и «высшего света» вообще. Редкие прорывы, связанные с возникновением симфонического балета, деятельностью Горского или Фокина (последнего — в результате оглушительного успеха

дягилевских «Русских сезонов» в Париже), были немногими счастливыми исключениями.

Но тогда русский балет двигался по восходящей — пусть и очень медленно, и неуверенно, и с отступлениями — от совершенно позорных «Конька-Горбунка» и «Золотой рыбки» Сен-Леона. Сегодняшний российский балет движется по нисходящей от позднего советского периода, где законсервированная виртуозная классика, «драмбалет» и помпезность Григоровича все-таки дополнялись новаторскими поисками Эйфмана и других. Конечно, это далеко, как небо от земли, от блистательной ситуации 20-х, когда фактически одновременно на отечественной балетной сцене соревновались экспериментальные линии Горского, Голейзовского, Баланчивадзе (будущего Баланчина), Федора Лопухова, Айседоры Дункан, Греминой, Майя, Фореггера, но все-таки это достаточно высокая стартовая позиция. И наблюдаемая тенденция, как ни крути — это тенденция к потере кадров (в связи с отъездом за границу) и потере качества. И Волочкова здесь — симптом.

Можно, конечно, сказать, что с далеких дореволюционных времен развились многие новые виды искусств, такие как киноискусство, телеискусство или рок, но это уже будет демагогия. «Русский рок» у нас на глазах деградировал от позднесоветской «музыки бунта» до откровенной попсы (сохранившись как рок только в контркультурно-субкультурных гетто), а попса, по определению, не искусство. Отечественное телевидение как раз в конце 60-х — 70-е годы только-только смогло подойти к уровню искусства — но эти попытки были заморожены Сергеем Лапиным и окончательно похоронены в капиталистической России, где телевидению сразу же была придана функция «массового развлекателя» и «массового одурачивателя».

С кино сложнее. Та зачаточная стадия, на которой находился кинематограф в дореволюционной России, разумеется, не оставляла ему никакой другой роли, кроме роли масскульта. Это хорошо показала в свое время Нея Зоркая [92]. Но с тех пор прошло много времени — и в Советском Союзе, как и во всех ведущих кинематографических державах, кино развилось до подлинного искусства, оказалось способно решать сложные философские, социальные, моральные, политические и даже познавательные задачи посредством специфического эстетического языка (языков). В постсоветской России кинематограф тотально деградировал вновь до уровня «массовой культуры» — и очень скоро деградация приняла злокачественный характер, поскольку в дополнение к классической функции масскульта — развлекать массы и отвлекать их от социально-политических проблем — отечественному кино навязали (прямо как во времена Сталина) еще одну: промывать мозги, внедрять нужную правящему классу и режиму идеологию [93].

Эта тотальная деградация российской культуры в значительной степени связана с культурным примитивизмом нового правящего класса. В отличие от дворянства, в большинстве своем получившего

классическое образование и воспитание и выдрессированного на образцах феодального «хорошего вкуса», новая «элита» еще не выучила, что для «элиты» считается приличным, а что нет, и в массе своей прямо и без оглядки демонстрирует неразвитый вкус (или полное отсутствие вкуса). Этот социальный заказ и открыто, и скрыто транслируется «мастерам культуры», а те, как профессиональные проститутки, чутко воспринимают заказ и воплощают его в жизнь. Это касается и самых верхов. Николай II, как «венчанная (на царство. — А. Т.) пошлость», по меткому определению С. Любоша [94], тоже, положим, ничего не понимал ни в опере, ни в балете (балет для него был в первую очередь местом, где подвизалась его «официальная» любовница Матильда Кшесинская; того, что Кшесинская действительно была выдающейся для своего времени танцовщицей, Николай, которому ее навязала в любовницы семья, чтобы отвести молодого наследника престола от рукоблудия [95], просто не понимал). Но как хорошо воспитанный человек (хорошее воспитание Николая II отмечали все мемуаристы), он знал, что посещать оперу и балет (и поощрять их) прилично, а кафе-шантан — нет. И зная о своей эстетической неразвитости, прибегал (хотя и далеко не всегда) к услугам экспертов. В современной же России любой лужков считает себя специалистом и в живописи, и в архитектуре, и в театре — и поэтому мы можем наблюдать такие позорные явления, как устраивавшиеся при Путине официальные кремлевские торжественные концерты на День Победы 9 мая, где в декорациях, словно изготовленных солдатами срочной службы богом забытой части, совершенно безголосые и лишенные музыкального слуха «певцы» исполняли песни Великой Отечественной в манере «русского шансона» — а президент Российской Федерации с семьей, всем правительством и патриархом РПЦ восседали в первых рядах и наслаждались этим действием!

Конечно, и в дореволюционной капиталистической России толстосумы (разбогатевшие купцы и капиталисты из «простонародья») могли «чудачить» и всенародно демонстрировать отсутствие вкуса (вспомним хотя бы историю с особняком А. А. Морозова), но как раз большинство представителей правящего класса — дворянства — все-таки отличало высокое искусство от «низких жанров» и хорошее качество исполнения от плохого — и демонстрировало это публично (даже те из них, кто на концертах классической музыки засыпал и втайне предпочитал публичный дом опере). Сегодня представители правящего класса, даже купив графские титулы у самозванных руководителей «дворянских обществ» и понимая, что они по положению должны поддерживать искусство, не догадываются, что нужно консультироваться с экспертами в тех вопросах, в которых они сами не разбираются. В качестве типичного примера приведу состоявшийся 6 октября 2005 года в Большом зале Московской консерватории концерт альтиста Ивана Нумерова. Спонсором

концерта выступал холдинг «Объединенные кондитеры», каковые «объединенные кондитеры» потратили немалые деньги еще и на рекламу означенного Нумерова через «Российскую газету», «Труд», «Время новостей» и другие СМИ. И никто из кондитеров не догадался обратиться к экспертам и узнать от них, что такое издевательство над альтом, какое устраивает Нумеров, не во всякой музыкальной школе услышишь! Разумеется, все нормальные люди (самыми первыми — студенты консерватории) с концерта в ужасе сбежали. Но кондитеры, судя по всему, остались довольны. В точности как г-н Журден.

Эта культурная политика (в соединении с экономической политикой неолибералов) привела к тому, что в области взаимодействия широких масс населения с культурой современная Россия движется в направлении, обратном дореволюционному. В дореволюционной России частные лица, нелегальные (реально — полулегальные) студенческие землячества, земства, а после 1905 года — профсоюзы и общественные организации создавали библиотеки-читальни, народные театры, певческие кружки и общества и т. д., и т. п. В крупных городах строились «народные дома» (конечно, для отвлечения рабочих от «крамолы», но все-таки). Дело доходило до того, что на крупнейших мануфактурах создавались театры, где рабочие на удивительно высоком профессиональном уровне, как отмечали современники, давали драматические и даже оперные спектакли и куда к ним приезжали с гастрольями артисты Большого, Малого и Художественного театров, как это было, например, на Никольской мануфактуре в Орехове [96].

Сегодня в России, как это зафиксировано специальным исследованием «Духовная культура современного российского общества: состояние и тенденции формирования», проведенным Социологическим центром РАГС в декабре 2004 года в 25 регионах [97], наблюдается исчезновение традиционных для советского периода форм массовой (коллективной) культурной деятельности и замена их типичными для атомизированного общества пассивными, индивидуализированными, домашними формами досуга: просмотром телевидения и видео, сном, выпивкой и просто «бездельем» и «убиванием свободного времени». Исследование зафиксировало также массовый отказ от чтения книг (среди причин этого называется, помимо «появления людей, воспитанных на комиксах и видеофильмах» и «понижения образования части населения», также и то, что «сегодня образование человека не влияет на достижение им успеха в жизни», что «хорошая книга многим не по карману» и что «в продаже недостаток хороших книг»). Одновременно происходят изменения в структуре чтения: серьезная печатная продукция вытесняется «желтой», примитивной, ориентированной на скандалы, сенсации, развлечения — в пределе наблюдается тенденция к чтению одних только кроссвордов и телепрограмм. Интересно, что значительная часть населения и экспертов

оскудение культурной жизни прямо связывает с падением уровня доходов населения, а также с политикой навязывания со стороны властных институций определенных культурных продуктов и образцов. Подавляющее большинство и населения, и экспертов (в отдельных случаях — до 75,5% и 89,4% соответственно) резко отрицательно относятся к тем культурным продуктам и образцам, которые им предлагают власть и рынок, и требуют более высоких, сложных и качественных. Очевидно, резкое падение «потребления» предлагаемых культурных продуктов можно квалифицировать как сознательное уклонение значительной части населения от навязываемой ей «культуры».

Хотя очевидно, что заметный процент населения в отсутствие альтернатив перешел на «потребление» дешевых образцов и «низких жанров». И не только из-за отсутствия денег, но и под воздействием исходящей «сверху» (в том числе и через рекламу) пропаганды. В частности, исследование зафиксировало, что более или менее регулярное посещение фитнес-центров и боулингов вышло среди опрошенных на первое место, далеко обогнав и театры, и концертные залы, и музеи с выставками, и даже клубы с дискотеками, и вплотную приблизившись к посещению кинотеатров. Одновременно чтение отодвинулось на седьмое место среди форм проведения досуга и использования свободного времени. Авторы исследования делают такой вывод: «Адаптация к новым условиям в духовной и масскоммуникативной сферах идет сегодня преимущественно по понижающему варианту. Это выражается в усреднении качества культурных образцов, снижении уровня аналитических материалов и передач, «пожелтении» и деинтеллектуализации большинства СМИ, сужении разнообразия запросов людей, обеднении их жизненных горизонтов в целом. Рынок духовной продукции, работающий в категориях рейтингов, популярных форматов, брэндов, подстраиваясь под насаждаемый им же спрос, без высокой планки и самостоятельного, взыскательного индивида, функционирует сегодня как некий квазицивилизационный процесс. Он движим не творчеством, не созданием нового в культуре, а тиражированием привычного и рутинного, приносящего, впрочем, хороший доход» [98].

В-четвертых, принципиально различаются — несмотря на модные сейчас сравнения — дореволюционный и современный российский империализмы. Дореволюционная капиталистическая Россия была империалистической державой первого калибра. Ее империализм простирался — через систему блоков — на всю Европу (главное поле империалистической борьбы в то время), а сфера «непосредственных жизненных интересов» охватывала Среднюю и Восточную Европу и Средиземноморье. За пределами Европы российский империализм был активен на всем Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке, пытаясь дотянуться даже до Бирмы. Сегодня российский империализм — это региональный империализм. Правящий класс современной России

не претендует на сферы влияния за пределами бывшего Советского Союза, то есть, строго говоря, в границах меньших, чем границы Российской империи. Всякие символические жесты, вроде посылки самолетов и кораблей с «дружественными визитами» в Венесуэлу — это действительно не более чем символические и пропагандистские жесты и, говоря языком Остапа Бендера, надувание щек. Таким образом, Россия как империалистическая держава «упала» на уровень Австралии, Индии, маоистского Китая, расистской ЮАР или Бразилии времен империи и военных диктатур, то есть перешла в категорию второразрядных империалистических держав. Можно смело предполагать, что, несмотря на всю воинственную риторику обеих сторон, между Москвой и Вашингтоном существует негласное соглашение на этот счет (хотя, возможно, каждая из сторон трактует это соглашение по-своему).

Я мог бы привести еще много таких примеров, но полагаю это излишним. Как любил говорить в таких случаях Ленин, *qui prouve trop, ne prouve rien*.

Теперь — некоторые выводы.

1. Современный российский капитализм не имеет никакого отношения к российскому капитализму конца XIX — начала XX века и не может считаться возвращением («реставрацией») к существовавшему тогда капитализму. Он является продуктом эволюции (если угодно — деградации) советского строя (суперэтатизма). Поэтому наши знания о дореволюционном капитализме могут оказать нам лишь опосредованную помощь и ни в коем случае не способны заменить изучение, анализ и теоретическое осмысление современного российского капитализма. Более того, в ряде случаев они, наоборот, могут лишь помешать такой работе, навязывая ложные аналогии, в то время как гораздо большую пользу здесь может принести изучение и анализ опыта стран «третьего мира» (капиталистической периферии) и процессов глобализации вообще.

2. Совершенно несостоятельны модные сейчас (в соответствии с идеологической конъюнктурой) расчеты значительной части отечественных интеллектуалов (выполняющих идеологический заказ определенных отрядов правящего класса) на то, что современная Россия вернется к своему дореволюционному виду (условно говоря, к патриархальной православной империалистической монархии). Этому препятствует, в первую очередь, происхождение современной капиталистической России из суперэтатизма (решившего все основные задачи капитализма — индустриализацию, урбанизацию и культурную революцию), то есть уже окончательная укорененность России в индустриальном способе производства и формирование соответствующей индустриализму структуры общества. Это — объективный фактор. Во вторую

очередь, в этом не заинтересовано подавляющее большинство правящего класса, чей имущественный статус (права собственности) такой поворот событий неизбежно поставит под вопрос. А среди остальных общественных классов и слоев современной России тем более нет заинтересованных в таком «возвращении к истокам». Это — субъективный фактор.

3. Еще более несостоятельны расчеты традиционной левой оппозиции на то, что «второе издание капитализма» неизбежно повлечет за собой такое общественно-политическое развитие страны, которое в итоге приведет к новому «Октябрю 17-го», в результате чего эта оппозиция вдруг окажется востребована обществом, вознесена стихийным политическим процессом на гребень новой революционной волны — со столь заманчивой для лидеров нынешней традиционной левой оппозиции перспективой оказаться на башне броневика на Финляндском вокзале, балконе дворца Кшесинской, а далее — в Смольном и /или в Кремле. Принципиальное отличие современной капиталистической России от дореволюционной (объективный фактор) и абсолютная неадекватность традиционной левой оппозиции, отставшей от жизни на сто лет (субъективный фактор), превращают эти расчеты в чистой воды иллюзию.

4. Современный российский капитализм требует специального кропотливого и строго научного

изучения — как феномен уникальный, не имеющий аналогов в истории. Это изучение невозможно заменить ни заучиванием и воспроизведением готовых схем (неважно каких — социалистических, либеральных или консервативных), ни механическим переносом на Россию выводов, полученных в результате анализа иного исторического и экономико-социального опыта, ни тем более бездумным повторением политических лозунгов прошлого (вне зависимости от их происхождения — сегодня равно неадекватны столыпинское «Нам нужна великая Россия!», черносотенное «Бей жидов!» и большевистское «Вся власть Советам!»).

«Второе издание капитализма» в России является настолько своеобразным, настолько интересным и настолько неизученным социально-экономическим явлением, что требует не просто ответственного, максимально серьезного и максимально научного подхода, но и, подозреваю, в большинстве своем совсем других исследователей — не тех, что мы имеем сегодня.

16 МАЯ — 4 ДЕКАБРЯ 2008

СТАТЬЯ НАПИСАНА НА ОСНОВЕ ДОКЛАДА,
ПРОЧИТАННОГО НА МЕЖДУНАРОДНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «ДВА КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ»
(МОСКВА, 17-18 МАЯ 2008 Г.).
ОПУБЛИКОВАНО В ЖУРНАЛЕ «ЛЕВАЯ
ПОЛИТИКА», № 7-8.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кирсанов В. Н. «Реставрация» капитализма в России. Истоки и причины. М., 1993; Доленко А. Н. Классовая борьба в СССР в 1970-80 годы и реставрация капитализма. М., 1996; Кагарлицкий Б. Ю. Реставрация в России. М., 2000; Трушков В. В. Реставрация капитализма в России. М., 2003; Беляев Л. С. Последствия реставрации капитализма в России. Иркутск, 2007. Интересно, что в книге «Периферийная империя» Б. Кагарлицкий вновь подтвердил тезис об «эпохе реставрации» в России (см.: Кагарлицкий Б. Периферийная империя. Россия и миросистема. М., 2003. С. 489, 519-521).

2. См.: Мартынов Ю. М., Чингузов О. М. Отечественная история. Учебное пособие. М., 2005. С. 10, 11, 15-18, 20.

3. См., в частности: Клифф Т. Государственный капитализм в России. Б. м., 1991; Диккут В. Реставрация капитализма в СССР. М., 2004. В оригинале текст Клиффа появился в 1947-1948 гг., а текст Диккута — в 1971-1972 гг.

4. Россия XXI. 1995. № 11. С. 58-67.

5. http://www.scepsis.ru/library/id_101.html

6. То, что СССР начиная с периода сталинизма оказался вовлечен в эту систему — и на невыгодных для себя условиях, — показывает на основе фактов Б. Кагарлицкий в «Периферийной империи» (см.: Кагарлицкий Б. Периферийная империя. С. 429-450, 459-471). В данном случае Кагарлицкий идет за И. Валлерстайном (чьим последователем он себя не раз называл), который, правда, в разные периоды то включал СССР в капиталистическую Мир-Систему, то провозглашал «исключенным» из нее, но никогда не признавал отдельной Мир-Системой, что показательно.

7. Коэн С. Ф. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М., 2001. С. 173. С. Коэн использовал термин «подлинная демодернизация» не поддавшись эмоциям, а показал, что результаты «второго издания капитализма» в России прямо противоречат тому, что обещает «теория модернизации»: ВВП сократился (на 50, а возможно, на 83%), капиталовложения — на 80%, поголовье мясо-молочного скота — на 75%, производство, инфраструктуры и социальные службы деградируют

и разрушаются, продолжительность жизни резко сократилась, вновь появились давно забытые болезни и голод, 75% населения оказалось у черты бедности или даже за этой чертой, большая часть людей с высшим образованием вынуждена зарабатывать на жизнь неквалифицированным трудом, и т. п. (Там же. С. 172-173). Наряду с термином «демодернизация» Коэн там же использовал термин «катастрофа», куда более верно описывавший действительность, если учесть, что, по подсчетам немецких исследователей, озвученным Валентином Фалиным, уже к 1998 г. экономический ущерб от «второго издания капитализма» в России превысил ущерб от II Мировой войны в 2,5 раза (НГ — Фигуры и лица. 1998. № 16).

8. По подсчетам Б. С. Хорева, к 2001 г. треть научных, научно-исследовательских, проектных организаций и КБ была ликвидирована полностью, численность научных работников уменьшилась наполовину, закрылось 150 научных журналов, 15% российских ученых эмигрировало (Хорев Б. С. Прогресс СССР и регресс буржуазной России. Сравнительные сопоставления на мировом фоне. М., 2001. С. 11-12).

9. История России. С начала XVIII до конца XIX века. М., 1998. С. 400.

10. Советская Историческая Энциклопедия. Т. 6. М., 1965. Стб. 995.

11. История России. С начала XVIII до конца XIX века. С. 435.

12. Рассчитано по статье С. И. Брука и В. М. Кабузана «Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма» (История СССР. 1980. № 3).

13. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1911). М., 1956. С. 324-327.

14. Кончилось тем, что им перестали верить даже западные академические авторы-русисты, обычно некритически повторяющие любой бред наших неолибералов. См., например, статью Д. Э. Пауэлла «Смерть как образ жизни. Демографический упадок России» (Current History. Oct. 2002. Vol. 101. N 657. P. 344-348).

15. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991. С. 659.

16. В реальности ситуация была интереснее. Основным потребителем советской электроэнергии были страны СЭВ, получавшие ее по ценам значительно ниже мировых. Если бы эта электроэнергия продавалась по мировым ценам, общий баланс сырья и готового продукта в советском экспорте выглядел бы совсем по-другому (но в случае электроэнергии это зависело от технических ограничений, а именно от наличия сетей). А между тем с 1980 по 1985 г. СССР увеличил экспорт электроэнергии с 19,9 до 29,3 млрд кВт/ч — то есть почти в полтора раза!

17. См.: Российский статистический ежегодник. Статистический сборник. М., 2000. С. 277.

18. С 1880 по 1894 г. вывоз хлеба из России вырос в три с лишним раза — с 201 млн пудов до 639,5 млн — при впечатляющем падении цен на хлеб: в 1880 г. было выращено

231,8 млн рублей, а в 1894-м — 381,4 млн (Покровский В. И. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. 1. СПб., 1902. Таблицы. С. 105).

19. Сегодня похожим образом ведут себя приватизаторы в нефтяной сфере: приватизированные месторождения неизбежно истощаются, а объемы разведывательного бурения, несмотря на это, в частных компаниях из года в год падают (Социальное неравенство и публичная политика. М., 2007. С. 25).

20. Куранты. 1.10.1992.

21. Поэтому основная часть приватизации была проведена в сжатые сроки и фантастическими темпами — чтобы свести к минимуму число конкурентов и чтобы собственность досталась кому надо: к концу 1995 г. был приватизирован уже 91% основных фондов (Российский статистический ежегодник 2001. М., 2001. С. 305).

22. Рассчитано по: Российский статистический ежегодник. Статистический сборник. М., 2000. С. 292.

23. См.: Табурно И. П. Приложение к эскизному обзору финансово-экономического состояния России за последние 20 лет. Графики и статистические таблицы. СПб., 1903. Табл. 6.

24. При чем это ни в коем случае не был стихийный и тем более иррациональный процесс. Напротив, вывоз капитала прямо провоцировался финансово-экономической политикой государства (см., например: Политический журнал. 2004. № 34. С. 36-38).

25. См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1971; Маслов П. П. Аграрный вопрос в России. Т. 1. СПб., 1905, Т. 2. СПб., 1908; Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. Т. 1-2. М., 1908; Чернов В. М. Марксизм и аграрный вопрос. СПб., 1906; Ермолов А. С. Наш земельный вопрос. СПб., 1906.

26. Немчинов В. С. Сельскохозяйственная статистика с основами теории. М., 1945. С. 34.

27. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 16. М., 1973. С. 203.

28. Советская Историческая Энциклопедия. Т. 1. М., 1961. Стб. 176.

29. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 17. М., 1973. С. 64, 67.

30. Рассчитано по: Там же. С. 79-80.

31. См.: Советская Историческая Энциклопедия. Т. 1. Стб. 178; История СССР. С древнейших времен до наших дней. Т. VI. М., 1968. С. 303. То же самое получаем при сравнении с заокеанскими странами — основными конкурентами России на тогдашнем мировом рынке зерна: урожайность в США была в 2 раза выше, в Аргентине — в 2,5 раза, в Канаде — в 3 раза (Ляшенко Л. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М., 1950. С. 280).

32. См.: Хрящева А. И. Группы и классы в крестьянстве. М., 1921. С. 60.

33. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.

34. Хрестоматия по истории России. М., 2001. С. 364.
35. Шанин Т. Революция как момент истины. 1905-1907 гг. 1917-1922 гг. М., 1997. С. 277-278.
36. См.: Там же. С. 278-279.
37. Проблемы генезиса капитализма. К Международному конгрессу экономической истории в Ленинграде в 1970 г. Сборник статей. М., 1970. С. 413-435.
38. См.: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 1917. С. 530, 532.
39. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 19.
40. В 1999/2000 г. 27 тыс. уцелевших колхозов и госхозов дали 54% сельскохозяйственной продукции, а 285 тыс. фермерских хозяйств — лишь 2% (Хорев Б. С. Указ. соч. С. 21).
41. История России. С начала XVIII до конца XIX века. С. 500.
42. В 1916 г. в условиях финансовой катастрофы военного времени закон о подоходном налоге был принят, но в действие не вступил, так как грянула Февральская революция.
43. См.: Статистический ежегодник на 1914. СПб., 1914. С. 356-358, 361, 364-369.
44. См.: Тарасов А. Н. Провокация. — Постскрипtum из 1994-го. М., 1994. С. 79-80.
45. См.: Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. М., 1979. С. 98, 100, 152.
46. Подробнее см. в моей статье «Суперэтатизм и социализм» (Свободная мысль. 1996. № 12); см. также: Тарасов А. Н. Указ. соч. С. 85-86.
47. Общественные науки и современность. 1997. № 5. С. 5-23.
48. Социальная траектория реформируемой России. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск, 1999. С. 157.
49. Кем для чего введено само понятие «низший слой», очень хорошо сказал в интервью «Дойчланд радио» знаменитый Гюнтер Вальраф: «Нужно установить, кто и с какой целью использует это понятие... оно идет с верхних слоев, от тех, кто ощущает себя вполне сытыми. Или же это ведущий, который использует это понятие с... оттенком цинизма, чтобы с его помощью подвергнуть людей насмешке, заодно сделав их еще более деклассированными и отодвинув их в сторону... Речь о людях, на которых таким образом ставят клеймо. Есть социально ущемленные, есть люди, которые больше не принадлежат к этому слою, а понятие «нижний слой» окончательно сталкивает из вниз... каждый шестой ребенок растет в условиях бедности... семья, которая имеет несколько детей и не принадлежит к «верхнему слою», становится бедной — то есть многодетные беднеют... и существует... утверждение, взятое из раннего капитализма: если ты беден, ты должен умереть раньше (<http://www.guenter-wallraff.ru/home/9739307887>). Усилия Т. Заславской явно не пропадают даром, если, например, профессор Б. Славин, вроде бы марксист и противник капитализма, совершенно некритически ссылается в своей статье на указанное выше «научное» деление общества! (см.: Альтернативы. 2000. № 2. С. 32-33).
50. Социальное неравенство и публичная политика. С. 109.
51. Россия реформирующаяся. М., 2002. С. 104-129.
52. Горшков М. К. Российское общество в условиях трансформации. М., 2000. С. 234-235.
53. Применительно к Латинской Америке (но не только) это явление в отечественной литературе достаточно полно и убедительно исследовал и проанализировал К. Л. Майданик. См.: Майданик К. Л. Эрнесто Че Гевара: его жизни, его Америка. М., 2004. С. 254-258, 300-304; Свободная мысль. 1997. № 1. С. 69-78, № 2. С. 39-49; Современная Европа. 2003. № 4. С. 116-119; Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 5. С. 86-95, 2006. № 11. С. 27-28; Латинская Америка. 2006. № 6. С. 4-9. См. также принадлежащий его перу раздел I в книге ««Левый поворот» в Латинской Америке» (М., 2007).
54. Социальная траектория реформируемой России. С. 157.
55. Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России. М., 2003. С. 138.
56. См.: Бейлз К. Одноразовые люди. Новое рабство в глобальной экономике. М., 2006.
57. Marcuse H. An Essay on Liberation. Boston, 1969. P. 16.
58. Десять лет социологических наблюдений. М., 2003. С. 45.
59. Там же. С. 51.
60. История СССР. 1973. № 1. С. 149.
61. См.: California Slavic Studies. Vol. 7 (1973). P. 143.
62. См.: Покровский М. Н. Избранные произведения. В четырех книгах. Кн. 3. М., 1967. С. 570-579.
63. Подробнее об этом см. в моей статье «Бюрократия как социальный паразит» (Свободная мысль. 2007. № 2). См. также: Тарасов А. Н. Указ. соч. С. 86-88.
64. Иногда, впрочем, там, где у нее был сильный конкурент — класс помещиков, — бюрократ-буржуазия оказывалась вынуждена надолго сохранить значительный государственный сектор экономики, которым она де-факто (но не де-юре, конечно) распоряжалась как коллективной собственностью. Это позволяло бюрократ-буржуазии сосредоточивать в своих руках значительную экономическую мощь и успешно противостоять конкуренту. Так было, например, в Индии и на Цейлоне (см.: Bardham P. The Political Economy of Development in India. Oxford, 1984. P. 102; Sri Lanka. Vienna, 1986. P. 17).
65. См.: Новая газета. 2000. № 38; Общая газета. 2001. № 51; Наш континент. 2003. № 49; http://www.aglob.info/articles.php?article_id=515
66. См.: Тарасов А. Н. Указ. соч. С. 87.

67. См.: Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М., 1927, в первую очередь раздел «Первоначальное образование буржуазного капитала в СССР».

68. В эпоху «перестройки» были опубликованы любопытные данные о «бэкграунде» первых и вторых секретарей горкомов и райкомов КПСС — то есть партийных, идеологических руководителей — в Белоруссии. Оказалось, что 95,6% первых и 75,2% вторых пришли на эти должности с должностей хозяйственных руководителей (Советская культура, 17.10.1989). Полагаю, в других регионах ситуация была аналогичной.

69. Это хорошо показано в главе I книги В. В. Радаева «Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика» (М., 1998).

70. Некрасов Н. А. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. М., 1979. С. 282.

71. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2004. С. 342.

72. Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России. С. 432-448.

73. См.: Российский статистический ежегодник. М., 2000. С. 116.

74. Опять-таки этот экспоненциальный рост бюрократии при власти бюрократ-буржуазии имеет прямые параллели с аналогичным явлением в постколониальных странах. В свое время В. Л. Чертков опубликовал такие данные: в Заире с 1966 по 1980 г. число чиновников возросло с 24,8 тыс. до 400 тыс. (то есть в 16 раз); в Танзании с 1963 по 1980 г. — с 34 тыс. до 160 тыс. (почти в 5 раз); в Камеруне с 1960 по 1979 г. — с 7 тыс. до 79 тыс. (в 11 раз); в Нигерии с 1960 по 1980 г. — с 90 тыс. до 520 тыс. человек (почти в 6 раз) (Народы Азии и Африки. 1984. № 2. С. 52).

75. Сейчас модно — в лизоблюдском антибольшевистском усердии — всячески идеализировать дореволюционную Россию и, в частности, преувеличивать степень ее культурности и образованности. Например, утверждать, что грамотных перед Революцией 1917 г. было 45%. Этот миф восходит к такому сомнительному источнику, как Николай Рязановский (см.: Riasanovsky N. A History of Russia. N. Y., 1963. P. 486). Между тем Рязановский просто взял и включил в число грамотных всех детей, которые должны были подпасть под принятый в 1908 г. закон о всеобщем четырехлетнем начальном образовании, «не заметив», что реализация этого закона была запланирована на период с 1909 по 1922 (!) г. и что до 1917 г. количество обучавшихся детей выросло лишь с 4,5 млн до 6,5 млн (из общего числа в 25 млн). Известна резолюция Николая II: в деле народного образования «излишняя торопливость совсем нежелательна» (Любош С. Последние Романовы. Александр I. Николай I. Александр II. Александр III. Николай II. Л. — М., 1924. С. 201). О том, как выглядела ситуация в действительности — и особенно в сопоставлении с европейскими

странами (Россия, в частности, занимала по числу учащихся на тысячу человек 22-е место среди существовавших тогда 25 европейских стран, включая такую «европейскую» страну, как Турция), — мне уже приходилось писать (см.: Альтернативы. 2001. № 1. С. 158-159; см. также: http://www.scepsis.ru/library/id_96.html).

76. Подробнее об этом см. мою статью «Молодежь как объект классового эксперимента. Ст. первая. Классовый подход к образованию: знания — только богатым» (Свободная мысль-XXI. 1999. № 10). См. также: <http://www.hrono.ru/text/2002/tarasnegram.html>

77. Подробнее об этом см. мою статью «Молодежь как объект классового эксперимента. Ст. вторая. «Обновление гуманитарного образования: молодым «промывают мозги» и навязывают новую идеологию» (Свободная мысль-XXI. 1999. № 11; 2000. № 1).

78. Впечатляющую подборку материалов о «реформе образования» в России и ее последствиях см. на сайте журнала «Скепсис»: http://www.scepsis.ru/tags/id_53.html

79. См.: Болховитинов В. Александр Григорьевич Столетов. М., 1953. С. 422-482.

80. См.: Писаржевский О. Дмитрий Иванович Менделеев. М., 1951. С. 336-351, 400-402.

81. См.: Крупениковы И. и Л. Василий Васильевич Докучаев. М., 1949. С. 180-185.

82. См.: Гумилевский Л. Александр Михайлович Бутлеров. М., 1952. С. 178-185, 233-246, 267-281, 305, 330.

83. См.: Могилевский Б. Л. Илья Ильич Мечников. М., 1958. С. 147, 160-164, 167-177.

84. С замечательной храбростью еще при жизни Солженицына «филологические достижения» последнего раздраконил А. В. Флоря в статьях «Необходимо ли русскому языку «расширение» по А. И. Солженицыну?» (II Измайловские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции 25-26 октября 2001 г. Оренбург, 2001) и «О «Словаре языкового расширения» А. И. Солженицына» (Владимир Даль и современная филология. Материалы Всероссийской научной конференции. 22-23 ноября 2001 г. Нижний Новгород, 2001).

85. Впечатляющее описание ситуации дано в статьях Е. В. Балацкого «Диссертационная ловушка» (Свободная мысль-XXI. 2005. № 2) и «Формирование «диссертационной ловушки»» (Свободная мысль-XXI. 2005. № 11).

86. См.: Троицкий вариант (Троицк). 2008. № 13. См. также: <http://www.grani.ru/Society/Science/m.142082.html>, <http://www.polit.ru/science/2008/09/30/erunda.html>

87. Свободная мысль-XXI. 2005. № 1. С. 93-106.

88. http://www.anticompromat.ru/fursenko_a/furs01bio.html

89. См.: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975. С. 466-467.

90. Тут полезно обратиться к многочисленным свидетельствам современников, зафиксировавшим особое отношение к поэзии в первое

послереволюционное десятилетие, атмосферу исключительного эмоционального накала в переполненных залах при чтении стихов, атмосферу, доходившую иногда до форменной массовой истерии — причем это касалось не только таких «публичных» поэтов, как Маяковский, Есенин или «пролетарские поэты», но и «камерных», например, Цветаевой при чтении ею «Если в стане моем — офицерская прямоть...» или Пастернака при чтении им «Лейтенанта Шмидта».

91. Любопытно, что театральные критики в большинстве своем воспринимают сложившуюся ситуацию как «нормальную». Только абсолютное меньшинство борется за честь отечественного театра. См., например, подборки материалов на театральные темы Марины Тимашевой и Ильи Смирнова на сайте журнала «Скепсис»: http://www.scepsis.ru/authors/id_209.html; http://www.scepsis.ru/authors/id_6.html

92. См.: Зоркая Н. М. На рубеже

столетий. У истоков массового искусства в России 1900-1910 годов. М., 1976.

93. Мне уже приходилось подробно разбирать эту тему в статье «Анти-«Матрица», или «Борьба» бабла с ослом» (http://www.scepsis.ru/library/id_1895.html).

94. «Николай был по преимуществу обыватель, мелкий и мелочный, с истинно мещанской душой. Он был воплощением обывательской пошлости... Обстановка собственного жилья Николая II напоминает обстановку разбогатевшего банкира, не очень культурного и лишенного художественного вкуса... в комнатах Николая II богатая мещанская мебель, посредственные или бездарные картины, вульгарные иконы, пошлые олеографии» (Любош С. Указ. соч. С. 188-189, 247).

95. Там же. С. 189.

96. Орехово-Зуевская правда. 27.08.2002.

97. Свободная мысль-XXI. 2005. № 10. С. 130-145.

98. Там же. С. 139-140...

«ОНИ УСТАЛИ ЖИТЬ В ТАКОЙ СТРАНЕ»

ИНТЕРВЬЮ РОЗЕ ЦВЕТКОВОЙ

АЛЕКСАНДР ТАРАСОВ

Роза Цветкова: Интересно, почему молодежь — причем совсем молодые, подростки — идут в разные радикальные организации, к Лимонову, к Удальцову? Ну видно же, что те ничего не могут и не смогут добиться. Зачем они туда идут, раз они ничего, кроме неприятностей, не получают?

Александр Тарасов: А почему им туда не идти? Вы видели «новобранцев» — что у Лимонова, что у Удальцова? Это совсем молодые ребята из, как принято говорить, «простых семей» — без связей, без денег, без возможностей социального роста, без защиты от произвола власти и полиции.

Молодые люди устали жить в этой стране (если то, что есть, можно еще называть страной). Потому что сегодняшняя Россия — это такая огромная станция Куцевская, где власть полностью срослась с бизнесом и с криминалом. «Правоохранители» и государственные чиновники тонут в коррупции — нам каждый день рассказывают в новостях об очередном чиновнике или «правоохранителе», который попался на взятке — и все знают, что это лишь незначительная часть (и обычно мелкие сошки), потому что **воруют и берут взятки все, вся вертикаль власти**. Вся экономика построена на «распилах» и «откатах». Вы сами разве не устали от бесконечных историй о чиновничьем беспределе, о полицейских зверствах, о безнаказанных убийствах, об офицерах наркополиции, найденных мертвыми в собственных кабинетах с «передозом», о том, как важные чиновники и «правоохранители», их дети, их родственники, их шлюхи давят на улицах в пьяном виде людей — и отделяются потом символическим наказанием?

В стране **живет** тот, кто прямо принадлежит к новому правящему классу — бюрократ-буржуазии, и тот, кто обслуживает интересы этого класса, вроде продажных журналистов или пиарщиков. А остальные — **существуют**.

Это в ельцинский период можно было морочить людям головы, говоря, что это-де переходный период: «сейчас все ужасно, сейчас все плохо, но потом этот период кончится, и все станет замечательно, все станет просто прекрасно». И у нас якобы все будет, как в Швеции и Швейцарии. Забыли только сказать (вернее, сознательно не захотели, то есть сознательно врать), что Швеция и Швейцария живут относительно богато (потому что бедняки есть и там) потому, что вся Западная Европа уже двести

лет работает как огромный насос — высасывает блага и материальные ценности из всего остального мира. А нынешняя, постсоветская Россия — это и есть этот «остальной мир», то есть «третий мир». И надо нас сравнивать с Гондурасом, с Нигерией, с Бангладеш: именно эти страны — наше будущее.

И нынешние 14-летние, те, кто идут к Лимонову, это уже понимают. Их уже не обманешь, как дурачков ельцинского периода, сказками, что нужно просто подождать еще лет 10 — и все наладится. Они уже на собственном опыте обнаружили, что за последние 10 лет ничего не наладилось, а все только ухудшилось, деградировало: система образования, система здравоохранения, ЖКХ, культура, отношения между людьми, моральный климат в обществе, компетентность государственной службы. Конечно, речь идет не о дерипасках, потанинах и абрамовичах — у тех-то все только улучшается. В отличие от всей остальной страны. И **за счет** всей остальной страны.

Те, кому сейчас 14 или 15 лет, в первую очередь испытывают эмоциональное отторжение от страны и власти. Они уже поняли, что им ничего не достанется, — они не дети олигархов. То, что они получают, — это псевдокультура, тяжелая, неинтересная, унылая работа, издевательства начальства и все остальное в том же духе. Вас смущает, что они уходят к радикалам, оказываются падки на примитивные лозунги? А что, быть эксплуатируемым, унижаемым, изнасилованным — лучше? Сколько там было изнасилований в одной-единственной Куцевской? 200? Экстраполируйте на всю страну. — **А почему они идут в такие тупиковые организации? Вам не кажется, что тот же «дед Лимон», как они его называют, просто эксплуатирует их недовольство, их отчаяние? Что он — так же, как Удальцов или лидеры «Стратегии-31» — просто подставляет их под дубинки, толкает в тюрьму, зарабатывает себе на них имидж «героя — борца с антинародным режимом»?**

— Я повторяю: эти ребята оказались достаточно трезвыми и разумными, чтобы не верить в неолиберальные сказки и понять, что в современной России у них нет никакого будущего. Но при этом — по малолетству — у них совсем нет опыта: ни политического, ни социального. Они, кроме того — жертвы тотальной деградации, тотального разрушения системы образования, когда

практически ничему уже толком не учат, а только делают вид, что учат, и в старших классах просто «натаскивают на ЕГЭ», то есть тренируют, как в правильную клеточку галочку поставить. В результате они даже не понимают, что чтобы что-то изменить в этом обществе, надо знать механизмы его функционирования. Поэтому они могут оказаться у кого угодно. Какой выход предлагает им «Стратегия-31»? Никакого. В акциях «Стратегии-31» можно участвовать только на сильном эмоциональном заряде. Но это не значит, что те, кто стоит во главе этой «Стратегии-31», — обязательно циничные негодяи, которые ведут своих последователей под полицейские дубинки. Нет, они тоже не понимают, что еще можно делать. В конце концов, мы видели и «Мишу Два Процента», и «Волнистого Попугайчика» у власти — и знаем, что результаты плачевные. И если у этих людей — вполне взрослых и побывавших во власти — не хватает ни мозгов, ни смелости придумать и предложить что-то другое, кроме идиотского регулярного стояния раз в два месяца на Триумфальной, чего же вы хотите от 14-летних подростков?

— Но, понимаете, их же там просто зомбируют, как в какой-то тоталитарной секте! Всякие там клятвы, ритуалы... Они сами себя заводят: «Умрем, но не сдадимся! Сядем, но не сдадимся!»...

— Ну, знаете, предьявлять радикальной молодежи претензии по поводу ритуалов по сплочению — абсурдно. В ОМОНе, в ВДВ ритуалы по сплочению тоже есть. В наших компаниях, корпорациях их сейчас тоже насаждают — работников заставляют учить наизусть какие-то безумные своды правил, петь идиотские гимны, демонстрировать «преданность фирме», хотя внутри у сотрудников нет никакого чувства братства. А вот если вам 15 лет и есть свод правил, которым надо следовать, вы чувствуете себя в кругу близких людей. Потому что тяжело жить в атмосфере всеобщей ненависти и всеобщего цинизма. А наш правящий класс и вся эта обслуживающая его интересы шваль — журналисты, поп-звезды, телевизионная публика, все эти шоумены и творцы сериалов, все продажные интеллектуалы — они навязывают молодежи (особенно в провинции, и даже в первую очередь в провинции, где зачастую просто нет выбора, как жить) представление, что эта атмосфера всеобщей ненависти, всеобщей конкуренции, всеобщей продажности и всеобщего цинизма — это якобы «норма». Если уж господин Гундяев договорился до того, что богачи «ближе к богу» (а как же слова Христа про верблюда и игольное ушко?), а добродетель бедняка — это терпение, значит, все — цинизм дошел до крайней степени, и аморализм и антигуманизм власть имущих стремятся уже к **фашистским образцам**. Бандиты (в том числе в погонах) — у власти. Следовательно, молодым придется либо превращаться в «шестерок» того или иного вида у этих бандитов, либо куда-то бежать, либо искать какие-то формы борьбы. Вот они и ищут. Да, конечно, в основном неудачно. Но ведь 14-летние — это не Спинозы, не Гегели, не Марксы,

не Эйнштейны. Даже если у них есть природные задатки, они уже обделены знанием, подлинным образованием — их его лишили наши организаторы неолиберальной контрреформы образования из ВШЭ и других таких же институтов во главе с господами Фурсенко и Кузьминовым (которые сами-то, как дети важных номенклатурных лиц, академика и влиятельного сотрудника АОН при ЦК КПСС, получили — причем **бесплатно** — вполне качественное советское образование). И у 14-летних отсутствует жизненный опыт, но, как у всех подростков, повышены доверчивость и внушаемость. Повышены эмоциональность, типичное для подростков стремление к справедливости. И если власть откровенно, хамски, демонстративно несправедлива — они, естественно, против такой власти. И они понимают, что выглядят выигрывающей стороной. Не формально выигрывающей, а морально. Если у нас сейчас осудили нацбола Николая Авдюшенкова за то, что он якобы расклеивал листовки с призывом «Убей в себе раба!», и это записано в приговоре как «призыв к убийству», то у любого нормального человека симпатии могут быть только на его, Авдюшенкова, стороне. Потому что ни один нормальный человек не станет на сторону столь откровенного то ли цинизма, то ли идиотизма, то ли и того, и другого одновременно.

— А вот есть ли какие-то объективные показатели: растет ли число такой молодежи, которая идет в разные экстремисты, фашисты, леворадикалы, анархисты? Или это только кажется — из-за Манежки, из-за того, что те же нацболы и АКМ попадают из-за митингов в сводки новостей, на ТВ?

— Во-первых, давайте не валить всех в одну кучу — левых и правых, фашистов и анархистов. Вы перечисляете **взаимных врагов** так, словно это союзники. У нас скорее, судя по отдельным инцидентам (вроде нападения на совещание левых на Автозаводской), движение «Наши» оказывалось в союзных отношениях с фашистами. Что тоже прекрасно демонстрирует уровень цинизма нашей власти. Или лично Васи Якеменко, я не знаю. Это ведь только Якеменко прославился открытой перепиской в ЖЖ с какой-то несовершеннолетней селигерской дурой, которая хвасталась, что она с Васей спала, — и он стал публично ее ставить на место: ну и дурища, что спала, никаких привилегий это тебе не гарантирует, я тебе ничего не обещаю... В любой европейской стране Вася после такого попал бы под суд или как минимум лишился министерского кресла...

Я не вижу признаков того, чтобы заметно увеличился приток молодежи к крайне левым или крайне правым. Но незаметно и чтобы он сильно уменьшился. А у организованных молодых радикалов (давайте отличать их от экстремистов) — большая текучесть кадров: быстро приходят — и столь же быстро уходят. Помните, три с половиной года назад мы уже разговаривали про молодежь — и я тогда говорил, что политической интересуется лишь 8% и что почти поголовно

эти интересующиеся — оппозиционеры. Почему власть и обеспокоилась ростом этих интересующихся и решила взяться за молодежь. Вот она взялась, отечественные спецслужбы тратят массу денег и сил на борьбу с «экстремистами», похоже, скоро начнут сажать уже за **невесторженный образ мыслей**, но результаты этой деятельности, по сути, провальные: все, что удалось огромным спецслужбам, потратившим миллиарды бюджетных денег, — это добиться того, чтобы число молодых радикалов резко не росло!

А резкого роста их нет и не может быть еще и потому, что дифференциация в молодежной среде нарастает. Сейчас ситуация отличается от той, что была 10 и даже 5 лет назад. Сейчас страна заметно ближе, чем прежде, к понятной и очевидной классовой структуре. Мы уже видим контуры этой структуры — и видим, что это будет структура во все не Швейцарии и Швеции, а структура, типичная для стран капиталистической периферии, стран «третьего мира» — с огромным блоком нищего и бедного населения и тоненькой прослойкой богатых и столь же тоненькой прослойкой того, что называют «средним классом». И более того, видим, что формируется наряду с классовой структурой структура сословно-клановая, что тоже типично для «третьего мира» и, вообще-то говоря, является признаком докапиталистического общества, а если капиталистического — то **мафиозного**. У нас на глазах закрылись (или почти закрылись — то есть перестали быть массовыми, остались лишь для исключений) каналы вертикальной социальной мобильности для молодежи. В первую очередь образование. Сознательно разрушив систему образования в стране, неолиберальные контрреформаторы — все эти Фурсенко, Кузьминовы и прочие — сделали образование **липовым**, обеспечивающим «корочками», но не знаниями. А любой экономике нужны не «корочки», нужны грамотные специалисты. Иначе экономика деградирует (что у нас и происходит). Я понимаю, это — отработка социального заказа правящего класса, заказа, который публично и не стесняясь озвучил на правительственном телеканале Потанин. Напомню, он сказал, что у нас в стране слишком много грамотных, которые любят думать о судьбах отечества, а нужны пэтэушники. То есть нужно, чтобы люди не думали, а вкалывали на него, Потанина! Напомню, что Фурсенко на Селигере с таким же уровнем неприкрытого цинизма сказал, что ошибка советской системы образования была в том, что она хотела подготовить творческих личностей, а «нам» (то есть им, правящему классу) нужны **потребители и исполнители**.

Как на это реагирует молодежь не из семей правящего класса? Предсказуемо. Сильно увеличилось желание «слинять» на Запад. Распространилось убеждение, что в России никогда ничего хорошего не будет. И точно так же заметно увеличилось число наркоманов, алкоголиков, приверженцев экзотических религиозных культов. И это тоже реакция на происходящее: эскапизм, то есть реакция убегания, отторжения — это такая извращенная форма

заинтересованности. А незаинтересованные — это те, кто просто живет, плывет по течению. Те, кого принято называть обывателями, «серой массой».

Власть сейчас, собственно, заинтересована в том, чтобы все, кто не из правящего класса, **плыли по течению**, жили, как живется, жили сегодняшним днем, были примитивными и покорными — приблизительно как крепостные крестьяне. Вам радикалы не нравятся? Ну так будет «серая масса», ни о чем не думающая и ничего не понимающая. Если кто-то из этой «массы» вас спяну «замочит» около подъезда — претензии не предъявляйте. Сами виноваты, поддерживая этот строй и эту власть.

— **Вы в нашем прошлом интервью «Быть богатыми и безразличными» говорили, что основная часть молодежи хочет быть богатой, но не работать. А что, разве сейчас не так?**

— И так, и не так. Большинство по-прежнему этого хочет. Но большинство этого большинства уже понимает, что так не получится. И поэтому уже озлоблено. На окружающий мир, на взрослых, на родителей, на учителей, на страну (поэтому и хочет «слинять»). Кстати, и на власть. Просто пока еще не в политических терминах. Пока еще в терминах «они все там, наверху — ворье, нахапали и только о себе и своем богатстве и думают, думают, как бы еще нахапать, сволочи...» Кстати, квалификация хоть и не политическая, но в принципе совершенно верная, описание реалистическое. Но такого понимания еще недостаточно для того, чтобы перейти к политической или к социальной борьбе.

Правящий класс у нас ведет себя очень нагло и глупо. Вот «Единая Россия» собралась ввести новые стандарты образования, сделав главными в школе физкультуру и всякие топорно-патриотические предметы, а все настоящее знания урезать до минимума. Зачем? Затем, что наш правящий класс учился в советские времена и выучил, что, как точно определил Ленин, «неграмотный человек — вне политики». Они думают, что неграмотные не восстают. Еще как восстают! Правда, их восстание называется не «революция», а «бунт». А бунт, как мы знаем из английского стишка, «обречен на неудачу». Это верно. Но вот что и «обреченные на неудачу» бунтовщики способны «господам» успешно кишки выпустить, этого наш правящий класс не понимает. А еще смешнее, что этого не понимают обслуживающие правящий класс полицейские и всякие там пропагандисты. Путин-то при бунте отсидится и спокойно дождет его подавления. А вот полицейские и пропагандистов по деревьям развешают в большом количестве, это точно.

— **Нет, но ведь молодежь — это же наше будущее... Ведь кто-то же должен будет завтра править страной, руководить промышленностью, образованием, наукой, транспортом... Люди же должны будут взаимодействовать, как всегда — и низы, и верхи... Как же при описанном вами нарастающем расколе это возможно? Ведь страна же должна**

развиваться — а как она будет развиваться в таких условиях?

— Правильно страной нынешние, как вы выражаетесь, «верхи», думаю, поставят своих детей, получающих другое образование — и, кстати, не в России — и живущих в других условиях, не в таких, в каких живет вся остальная страна. Но на более низких этажах социального здания, где нужны более мелкие управленцы, будет нарастать катастрофический дефицит верных решений, вызывающий необоснованные расходы, техногенные катастрофы и т. д. Сложится ситуация, типичная для некоторых стран «третьего мира», где руководящие кадры развитых отраслей приезжали из-за границы, из стран капиталистической метрополии. Правда, в «умных» странах типа Арабских Эмиратов после этого стали массово посылать своих студентов учиться в лучшие зарубежные вузы. Я не вижу желания у наших властей делать то же самое. Я вижу желание покупать футбольные клубы, яхты, острова, строить дворцы и возить шлюх в Куршевель.

«Верхи», как вы говорите, наращивая классовую дифференциацию, насаждая сословно-клановую структуру общества и не интересуясь ничем, кроме собственного обогащения, сами толкают страну к катастрофе. Они сами отчуждают себя от народа и сами себя дискредитируют. Все, включая молодежь, уже поняли, что нынешние богачи не заработали свои богатства, а просто получили большие куски государственной собственности, для создания которой они пальцем о палец не ударили, — получили по благу, по знакомству, по родству, в обмен на какие-то услуги или будущие услуги. Даже все так называемые олигархи получили свою собственность именно таким образом — о чем в свое время Путин публично напомнил Ходорковскому. Тот, правда, сделал вид, что не понял, — и сел.

То есть **уважения** к новому правящему классу в «низах» — **никакого**. И среди молодежи — тем более. И уж тем более нет никакого уважения к детям этой самозванной элиты (напомню, что элита бывает только одна — элита духа: художники, изобретатели, ученые и т. д., а эти, кто у нас «наверху», — **нувориши**). Помните, как в 90-е разные александры и натальи ивановы, клямкины, нуйкины, коротичи, карякины и прочие самозванные «прорабы перестройки» твердили: это ничего, что нынешние нувориши — бандиты и комсомольские функционеры, которые только хапают и хапают, зато вот дети у них вырастут уже в условиях изобилия, получат образование в оксфордах и сорбоннах, станут высококультурными, высокообразованными, будут на языках щебетать, на клавиатурах играть, балет поощрять и благотворительностью заниматься... Дети выросли — и продемонстрировали, что от осины не родятся апельсины. Детки эти, как в Иркутске, давят людей на тротуарах автомобилями — и даже показного сочувствия жертвам не демонстрируют. Или позорят Россию на весь мир, гоняя в Швейцарии на «ламборгини» — и наезжая на местных пенсионеров. А потом выясняется, что и учатся они

в таком до того не афишировавшемся специальном швейцарском филиале МГУ — для зажавшихся и не обремененных мозгами детишек нуворишей. А уж если кто-то что-то из них публично говорит или пишет, — лучше бы молчали. Есть такой, как теперь говорят, «мини-олигарх», которому власть выдала одну известную газету, отнятую у другого олигарха, не «мини», ставшего опальным. Выдала, чтобы он эту газету убил, сделал неинтересной, убогой, сохранив, конечно, прежнее название. Он это успешно сделал. Газета есть, но это теперь — газета-зомби. А у этого «мини-олигарха» есть любимая дочь. Раз у папы — газета, ясное дело, почему бы дочке чего-нибудь не написать? Она и написала — и сразу прославилась, что называется, в узком кругу ограниченных людей. Написала приблизительно следующее: как меня, дескать, достало это всякое быдло, у которого даже сумки «биркин» поддельные, а они туда же — лезут к нам, в чистую публику... То есть продемонстрировала всем, что она совершенная дурица и дальше сумки «биркин» ее интересы не простираются. Ну и как ее папа «мини-олигарх» сможет убедить наших молодых, что его дочка хоть чем-то их лучше? Тем более, что папа такой — в ответ на критику дочки полез в бутылку, опубликовал лично им сделанную фотографию большого склада дорогих сумок у себя дома, включая несколько «биркин» ...

Вы еще спрашиваете, почему молодые идут в радикалы, даже к явно бесперспективному Лимонову? А вот, в частности потому, что такие «мини-олигархи» с дочками, скажущими по куршевелям, им уже четко и ясно показали: какие бы мы, представители «верхов», ни были примитивные и убогие и какие бы вы, представители «низов», ни были талантливые, у нас будет все, а у вас не будет ничего... Есть у нас в УК такая примечательная статья 282, «возбуждение ненависти либо вражды». Так вот, никто так успешно не возбуждает ненависть и вражду по отношению к нынешней власти, как сама власть.

28 ЯНВАРЯ 2011 Г.

Небольшие отрывки из интервью опубликованы в виде авторского комментария в «НГ — Политике», 2011, № 2.

ПОЧЕМУ Я НЕ ХОЧУ БЫТЬ «БЕЛЫМ ВОРОТНИЧКОМ»

ИВАН ЛЕЩИНСКИЙ

Прежде всего отвечу — потому что у меня есть некоторые основания считать этот слой паразитическим и неспособным к нормальной трудовой деятельности в современных условиях.

Речь идет о широко распространенных ныне профессиях наемных работников умственного труда (дистрибьюторов, менеджеров по продажам, консультантов и пр.), в массе своей непосредственно не связанных с производством материальных благ и занимающих «противоречивые классовые позиции»¹ в классовой структуре современного российского общества. В огромной степени их распространение затронуло Москву и другие крупные города. При этом может создаться впечатление, что собственно производство «на местах» в общем и целом функционирует так же, как и в советские времена, и находится вне сферы деятельности подобных работников (в отличие, скажем, от банковского дела, торговли и т. д.).

Увы, это впечатление было бы ошибочным.

За годы реформ состав работающих на промышленных предприятиях претерпел радикальные изменения. Эти перемены наложили своеобразный отпечаток на производственный процесс в целом. Я попытаюсь сначала кратко изложить их суть на примере металлургического предприятия.

Даже если просто сопоставить советскую и современную структурные схемы любого завода, сразу бросится в глаза сложность последнего варианта. Несомненно, у советской схемы управления были серьезные недостатки. Безусловно, к концу своего существования во многом она была неэффективной.

Тем интереснее сравнить ее с нынешней.

На советском заводе был всего один директор, которому подчинялись главные специалисты завода и начальники служб (главный экономист, главный инженер, начальники ОТК, ЦЗЛ² и пр.); второй фигурой на предприятии был заместитель директора по производству, который координировал начальников основных и вспомогательных цехов. У каждого из главных специалистов (начальников служб) в подчинении находился соответствующий отдел, разделенный на бюро по различным направлениям. Численность служащих **во всех отделах** по заводу была ничтожной по сравнению

1 Э.О. Райт. «Марксистские концепции классовой структуры».

2 ОТК — отдел технического контроля, ЦЗЛ — центральная заводская лаборатория.

с числом работников **одного** цеха.

«Усовершенствование» подобной схемы в 90-е годы привело к интересным результатам. На предприятии возникло около десятка различных **дирекций**, каждая из которых включает в себя прежде всего собственно директора по направлению и его ближайшее окружение (секретарши, заместители и помощники различных рангов), дирекция делится на **управления**, управления — на **отделы**, отделы — на **бюро**. Вся эта масса служащих с директорами во главе подчиняется **генеральному директору**. Это — далеко не единственный возможный вариант развития. По моей информации, есть промышленные предприятия, на которых действует более двух десятков (!) **дирекций**, а «вертикаль власти» увенчана «президентом» (с отдельным штатом секретарей и помощников), которому подчиняется генеральный директор, ему же, в свою очередь, подчинен **первый заместитель** генерального директора... и проч., и проч.

Так или иначе, даже из приведенного примера ясно видно, насколько возрос удельный вес всевозможных менеджеров в составе многих промышленных предприятий.

Логично было бы предположить, что это вызвано производственной необходимостью в условиях рыночной экономики. В самом деле, в советское время ни о какой конкуренции производителей, скажем, деталей авиационного назначения не могло быть и речи — каждое предприятие имело свою четкую специализацию. Соответственно, у многих предприятий могли увеличиться производственные мощности, появиться новые заказчики, за которых надо бороться, новые поставщики сырья, рынки сбыта и т. д.

Здесь будет уместным сделать небольшое пояснение.

Объемы производства повсеместно **сократились в несколько раз**. На моем предприятии в советское время продукцию отгружали в основном **эшелонами**, в начале перестройки — **вагонами**, в настоящее время — грузовыми машинами. Если учесть широкую номенклатуру предприятия (от деталей подъемных кранов до составных частей авиадвигателя) и тот факт, что упомянутые эшелоны расходились во все концы Союза, нетрудно будет оценить, насколько деградировали ключевые отрасли промышленности.

Рассуждать о новых заказчиках и рынках сбыта было бы еще большей нелепостью. Многие

потенциальные заказчики после перестройки просто-напросто перестали существовать (то же и с поставщиками сырья). Говорить о новых заказчиках можно лишь в том смысле, что появилось множество фирм, которые покупают продукцию для того, чтобы кому-нибудь потом ее перепродать. Незначительно выросший объем поставок за рубеж ни при каких условиях не может компенсировать крах отечественного производителя.

Численный состав работающих и парк оборудования на каждом промышленном предприятии, **естественно**, сократились пропорционально степени падения производственных мощностей.

И именно в это время на заводах появляется огромное число работников, почти никак не вовлеченных в производственный процесс. Сразу возникает банальный вопрос: чем же заняты эти люди?

Постараюсь ответить на него с помощью нескольких примеров.

Сначала — об общем функционировании и структуре всех дирекций.

Каждое **крупное** подразделение заводоуправления занято своей узкой областью деятельности. Скажем, в дирекции по закупкам есть два управления: **управление производственных закупок** и — как нетрудно догадаться — **управление непроизводственных закупок**. Каждое из них делится на несколько отделов в зависимости от вида закупок (оснастка, сырье, мерительные инструменты и т. д.). А теперь представьте себе, что каждый из отделов может содержать в себе несколько бюро с более узкой специализацией (импортные закупки, отечественные закупки, планирование закупок — отдельно импортных, отдельно отечественных), а в каждом из этих бюро есть еще и несколько направлений работы, но вот **каких именно** — понять постороннему человеку уже не представляется возможным. В советское время закупками, а заодно и продажами (сейчас ими ведает отдельная **дирекция!**), занимался **один отдел** численностью в 15-20 человек, то есть по крайней мере раз в пять меньше, чем сейчас (для справки: объемы закупаемого сырья, **понятное дело**, сократились **раз в десять**). Экстраполируйте вышеизложенные данные на дирекции по маркетингу, развитию, финансам, экономике, техническому сопровождению, персоналу и др. — и вы сможете оценить, насколько изменился объем работы служащего (т. н. «офисного работника») по сравнению с советским периодом. Итак, что же входит в его обязанности?

Во-первых, обслуживание главной информационной системы предприятия, разросшейся подобно раковой опухоли и затронувшей абсолютно все дирекции. По замыслу руководства, она должна была максимально облегчить поиск информации и координацию работы всех подразделений. Странность ситуации заключается в том, что ее внедрение для специалистов цеха обернулось форменным бедствием (об этом см. ниже).

Во-вторых, **осуществление контроля** над производственным процессом и деятельностью

цехового персонала. В самой идее такого контроля, казалось бы, нет ничего крамольного, а без некоторых контрольных служб на производстве однозначно нельзя обойтись (ОТК, ЦЗЛ, отдел охраны труда и пр.). Однако со стороны новоявленных отделов он осуществляется довольно странным образом. Рассмотрим самый характерный случай.

Некоторые виды выпускаемой продукции стратегически важны для предприятия ввиду высокой цены, которую согласен платить заказчик за сложность их изготовления (трудно деформируемый материал, сложный профиль изделия и т. д.). Такие заказы получают статус особо важных и подлежат тщательному исполнению. Нет нужды объяснять, насколько серьезно вынуждены подходить к выполнению подобного задания цеховые инженеры-технологи. Фактически на них ложится основная работа по подготовке к производству (разработка чертежей штамповой и прокатной оснастки и всей необходимой технологической документации). Перед персоналом же заводоуправления в этот период стоит по-своему нелегкая задача: им нужно всячески понукать и подгонять упомянутых работников цеха, зачастую просто не давая им никакой возможности нормально работать. Дело в том, что вместо детальной проработки возможностей и рационального планирования производства руководством был составлен какой-то странный порядок работы подразделений предприятия, согласно которому огромной массе специалистов заводоуправления буквально нечем заняться до получения узкоспециализированных данных, содержащихся в технологической документации: без полностью разработанного технологического процесса никак не получится посчитать себестоимость; без подсчета себестоимости невозможно назначить цену; без назначения цены нельзя узнать о согласии заказчика; без согласия заказчика нелегко начинать работать и т. д.

«Постойте!» — скажет внимательный читатель. Неужели экономисты завода не в состоянии **сначала** посчитать приблизительную себестоимость продукции на основе давным-давно разработанных методик, учитывающих цену исходной заготовки и расход материала по основным переделам? Разумеется, технологические параметры, число операций и переходов для каждого процесса будут разными. Но на себестоимость-то они оказывают не самое значительное влияние!

Увы, все не так просто. Себестоимость, как оказывается, можно посчитать, только введя все необходимые данные (на основе карты технологического процесса) в информационную систему предприятия. Занимается этим творческим делом некий отдел в составе одной из дирекций. Поскольку ввод сам по себе много времени не требует, свои обязанности сотрудники отдела выполняют исправно. Проблемы для них создают лишь специалисты цеха, которые отчего-то не могут разрабатывать процессы в том же темпе, в котором те их заносят в базу. Но только лишь ввести данные мало — нужно еще их утвердить. Курирует информационную систему и утверждает введенные

технологические процессы **другой** отдел в составе **другой** дирекции. Нетрудно сообразить, что **утверждение** процесса, в свою очередь, происходит несколько быстрее, чем его ввод, поэтому сотрудники последнего отдела (статус которых еще выше по отношению к цеховому специалисту) стараются всячески ускорить предыдущих. И так, только после описанных сложных эволюций двух листов формата А4 **специалисты** дирекции по экономике могут приступить к нажатию кнопки «Enter», после которого у них на экране высветится себестоимость конкретного вида продукции (фразу следует понимать **буквально** — рассчитывать им здесь **уже нечего**). Дальнейшая их деятельность, судя по всему, заключается в том, чтобы умножить полученное значение на определенный коэффициент и вычислить таким образом цену. Причем, учитывая вышеописанные задержки, торопиться им вроде бы совершенно ни к чему.

Но все это время в тягостном бездействии пребывают менеджеры дирекций по маркетингу и закупкам! Ведь как возможно планировать какие-то затраты и продажи, не зная самого необходимого — цен на продукцию собственного предприятия? К тому же эти несносные цеховые технологи никак не могут понять, что из-за их возни с какими-то дурацкими расчетами на клочках бумаги **менеджер по продажам** может потерять Заказчика!...

В целом, кажется, все это объяснимо и более или менее понятно.

Кошмар начинается в тот момент, когда по указанию **высшего начальства** руководители всех дирекций, управлений, отделов и т. д. начинают форсировать ответ на запрос заказчика о цене на тот или иной вид продукции. «Продажники», «закупщики», «диспетчеры», экономисты, специалисты по вводу и утверждению немедленно бросают все свои **важнейшие** дела и начинают звонить с просьбами, мольбой, требованиями, приказами и угрозами немедленно разработать штук эдак тридцать технологических процессов. Почему сразу тридцать? Потому что менеджерам всех мастей так удобнее. Вмиг оживают доселе полуспящие сотрудники всех подразделений заводоуправления, повсюду в офисах организуется лихорадочная деятельность, начинают печататься десятки служебных записок, донесений, циркуляров, распоряжений и сводок, а телефоны в цеху разрываются от бесконечных звонков. Особенность ситуации заключается еще и в том, что с каждым заказчиком работает, как правило, один менеджер по продажам (так у них вроде бы **эффективнее** получается!). Вполне естественно, что для него самым важным является именно его клиент, заказы которого саботируют какие-то чумазные инженеры из цеха. И число таких разгневанных менеджеров довольно велико...

Иногда вся эта возня заканчивается самым курьезным образом: цена посчитана, ответ отслан, но экономисты помножили себестоимость на какой-то совсем уж запредельный коэффициент, и заказчик **отказался**. Причина здесь, безусловно,

очень проста: опять виноваты технологи — это именно они не хотят снижать себестоимость продукции предприятия!

Рассмотрим более благоприятный исход. Вопрос о цене решен, поданы все соответствующие заявки на изготовление нужной оснастки, закуплено сырье, согласованы все кооперированные между цехами операции (разумеется, всем этим занимаются **специальные отделы**), наконец, продукция запущена в производство.

Именно на этой стадии контроль за процессом со стороны заводоуправления принимает наиболее нелепые формы: в цех набивается целая **орава** «белых воротничков» из разных отделов, управлений и бюро дирекций всех сортов, которые группируются вокруг деформирующего оборудования и начинают глазеть на процесс штамповки (ковки, прокатки, калибровки). Я очень быстро убедился, что никто из них ровным счетом ничего не сообщает в том, что творится в цеху в текущий момент времени, и это может означать только одно: смысл контроля здесь сводится к **обязательному присутствию**. Интересно, что никто из «контролирующих», как правило, нимало не уязвлен сознанием своего невежества. Они не стесняются давать идиотские рекомендации и задавать тупейшие вопросы. При появлении своего непосредственного (а тем более — вышестоящего) начальника они спешат подобострастно изложить ему свое представление о том, что они видят. Начальство, тоже слабо понимая, в чем смысл происходящего, благосклонно их выслушивает. По окончании процесса все возвращается на рабочие места в офисе с сознанием выполненного долга. По-видимому, данная обязанность представляется им неким тяжелым бременем, которое они вынуждены нести по причине своего относительно высокого положения. Здесь следует обратить внимание на немаловажное обстоятельство: ежедневная рутинная работа с бумагами и различными офисными программами, судя по всему, оказывает существенное воздействие на таких работников, засоряя им мозги и изменяя их представления о важных и неважных делах. Через некоторое время служащим начинает казаться, что оформление какой-либо никчемной служебной записки, согласование того или иного регламентирующего документа куда важнее, чем успешное изготовление и сдача ОТК опытной партии профилированных деталей со сложным комплексом механических свойств. Отношение же их к чисто производственным трудностям делается подчеркнуто брезгливым и презрительным. Отчасти их можно понять. Действительно, разработка технологии (расчет размеров, калибров по переходам, степеней деформации), какой бы сложной она ни была, все-таки имеет целью в результате некоторых действий получить нечто грубо материальное (стальная деталь определенной формы и конфигурации геометрических размеров). Совсем другое дело — тонкие материи: распределение финансовых потоков, маркетинг, открытие **аккредитивов** и т. д. С этим вроде бы все ясно. Неясно другое. Почему общепринятым

становится представление о том, что **изготовить** что-то всегда легче, чем **продать**? В конце концов, на крупных металлургических заводах производят не какой-то дешевый товар широкого потребления, которому необходимо обеспечить продвижение на рынок, а продукцию, которая жизненно необходима отечественной промышленности. Специализация таких заводов со времен Союза почти не изменилась. И почему каких-нибудь пятнадцать-двадцать лет назад не ощущалось такой необходимости в подобных специалистах?

Но мы отвлеклись.

Следующий этап работы наших героев — составить отчет по итогам проверки для своего руководства, которому предстоит доклад перед **высшим начальством**. Суть этого доклада очень проста: при успешном исходе наблюдаемой операции нужно показать, что положительный результат следует приписать главным образом своему подразделению; в противном случае нужно указать на подразделение, которое виновато в провале.

Нужно отдать должное корпоративной солидарности работников среднего звена заводоуправления: виноватым во всех бедах, как правило, оказывается персонал цеха.

Разумеется, вышеприведенным примером **контроля** деятельность «белых воротничков» не исчерпывается — остаются еще всевозможные проверки и аудиты (третья по значимости часть их работы).

Проверяют технологическую дисциплину, ведение документации, отсутствие мусора в цеху, несоответствия на произведенных деталях, **наличие постоянных и непрерывных усовершенствований и улучшений** и т. д. Логика здесь примерно та же: сначала обо всем информируют свое руководство, затем руководство отчитывается перед **высшим начальством**.

Эти проверки, в отличие от описанного контроля, всегда носят карательный характер. Скажем, в случае обнаружения документа, составленного по устаревшей полгода назад форме, может быть выпущен общезаводской приказ о премиальном наказании соответствующего работника цеха и т. д., вплоть до увольнения.

Наконец, в сферу их деятельности входит подготовка различных проектов, презентаций и докладов по различным поводам для высшего начальства, посредством которых оно убеждается, что экономическая эффективность производства постоянно растет (основу этих докладов, как правило, составляет информация, полученная от специалистов цеха, зачастую сильно искаженная).

Несколько слов нужно сказать еще об особенностях **самосознания** этих людей.

Всегда с раздражением и досадой я читаю материалы, в которых делается вывод о наличии у подобных работников какого-либо протестного потенциала, благодаря чему их слой может стать новым гегемоном революционных преобразований и пр. Их авторы, похоже, совершенно искренне не понимают, что образ мыслей в огромной степени формируется самой рабочей обстановкой.

Неудивительно, например, что цеховые мастера и технологи, большую часть своего рабочего времени проводящие с рабочими, понемногу перенимают их манеру речи, начинают ходить в рабочей спецодежде и вообще проникаются к ним большой симпатией. Теперь представьте себе даже самого невзрачного клерка в офисе заводоуправления. Каждый день он выполняет поручения, данные ему начальниками различной степени солидности, зная, что они действуют по указанию высшего руководства. При этом он понимает, что ему крупно повезло, ведь где-то там в цеху есть люди, у которых вообще нет возможности устроиться в отдел, которые работают в несравненно более плохих условиях и заняты такой мизерной деятельностью, как производство (возможно, эти несчастные представляются ему кем-то вроде слесарей-сантехников или золотарей). Понемногу он неизбежно начнет проникаться сознанием собственной значимости и благоговением перед своими работодателями, желанием им угодить, продвинуться на ступень выше, приблизить свой статус к недостижимому идеалу должности начальника отдела (а там дальше, может, и управления!) и пр. К тому же сама рабочая атмосфера офиса, наполненная пустыми разговорами, плоскими шуточками, сплетнями по поводу чьей-то зарплаты и т. п., вряд ли способна внушить что-либо, кроме стремления поменьше работать и побольше зарабатывать.

Я абсолютно убежден, что в большинстве случаев эти люди (пусть даже и с небольшими окладами и не сделавшие карьеру) за пять-десять лет такой работы неизбежно будут представлять собой образцы «идеально-благонамеренной скотины» (М. Е. Салтыков-Щедрин). К сожалению, для провинции это может быть так же актуально, как и для столицы. Мне неоднократно приходилось общаться с представителями этого слоя. Вынужден признать, что наименование «офисный планктон» как нельзя более им подходит. «Планктон» — это прежде всего нечто примитивное. Примитивна их работа, круг интересов и привычек, примитивны мечты и идеалы, и даже их разговоры почти всегда бывают лишь самого элементарного пошиба. Быть может, среди них встречаются исключения, но тогда они еще более прочих достойны жалости — угнетающая их офисная среда постепенно разложит и их сознание, если они не найдут в себе силы ее оставить.

От контактов с рабочим классом офисных труженников надежно изолирует и прикрывает персонал цеха. И это для них более чем необходимо. Нетрудно догадаться, как к ним в массе своей относятся рабочие. Иногда во время ожидания проверки или аудита со стороны представителей всевозможных подразделений заводоуправления от рабочих можно услышать язвительные предложения перед ними сплясать или же поднести им рюмку водки, скандируя «Пей до дна!», чтобы их задобрить. В ходе такой проверки рабочие имеют «вид лихой и слегка глуповатый», услужливо и до комичности серьезно отвечая на самые

дурацкие вопросы этой публики. Однако затем для ее оценки они часто выбирают довольно меткие выражения, привести которые здесь мне не позволяют правила приличия. Подобные комментарии не оставляют сомнений в восприятии рабочими этих служащих как бездарных и тщеславных, нелепо кичащихся своей благородной профессией (хотя в чем-то и опасных) **трутней**.

Итак, на основе всего сказанного можно сделать некоторые выводы.

В процессе установления новых капиталистических порядков на промышленных предприятиях возникла и закрепилась иерархия полностью оторванных от производства интеллектуалов, по своему образу мыслей и имущественному положению объективно тяготеющих к классу буржуазии («средние» и «высшие менеджеры» по классификации Э. О. Райта³). Лишь малая их часть может быть отнесена собственно к «среднему классу», большинство же (особенно в провинции) представляет собой своеобразный **эрзац** этого слоя, не обладающий в полной мере его материальным благополучием, но зато в точности копирующий его мировоззрение, идеалы и повадки. Их отличает полная некомпетентность в области специализации предприятия, отсутствие опыта работы на производстве и желания его получить, а также презрение к цеховым рабочим и специалистам как к представителям низших каст. Глубоко деформированное буржуазной пропагандой сознание таких работников не позволяет считать их способными на какие-либо антисистемные действия и взаимодействия с пролетариатом.

Громоздкий аппарат управления предприятием, сформированный в основном из подобных кадров, отличается крайне низкой эффективностью работы и отсутствием стимулов к ее повышению. Никаких жизненно важных для предприятия функций он не выполняет. Т. н. контроль над производственным процессом сплошь и рядом сводится к выискиванию возможностей ставить палки в колеса работе персонала цеха. По существу, исправно им выполняются только лишь карательные функции (опять же — по отношению к цеховым работникам).

Все это наводит на странные и в чем-то даже **пугающие** мысли. По всей видимости, в советское время эффективность работы персонала заводоуправления была выше, потому что компетентность высшего руководства была по крайней мере **не ниже** уровня руководства цеха. Во всяком случае, налицо было разделение функций: цеха обязаны были в определенный срок произвести и отгрузить определенное количество продукции в штуках (тоннах), аппарат управления обязан был во всем способствовать их плодотворной работе. Премия и тех, и других одинаково зависела от выполнения плана, а зарплаты в цеху однозначно были выше, чем в «конторе». В наше время, когда эта схема перевернута с ног на голову, поневоле задаешься вопросом: а что было бы, если бы в один прекрасный день большая часть описанных

3 См. указанную работу Э. О. Райта.

подразделений **по всей стране** вдруг прекратила функционировать? Весь ужас ответа заключается в том, что **в худшую сторону** ничего бы не изменилось (во всяком случае, для тех, кто работает на производстве).

Но в том-то и гвоздь, что **в рамках сложившегося социально-экономического строя** ликвидировать в корне данную прослойку было бы невозможно и даже **нецелесообразно** — в ее существовании сегодня **действительно** есть необходимость. Разумеется, чтобы полностью раскрыть причины этой парадоксальной ситуации, потребовалось бы отдельное социологическое исследование. Вполне возможно, однако, назвать самые очевидные из них.

Прежде всего, как ни странно, в сохранении этого слоя заинтересованы сами собственники. В современной России капиталист крайне редко стремится принимать активное участие в управлении своим предприятием (и уж тем более — в его долгосрочном развитии). Как правило, его мало интересует мотивация трудовой деятельности работников низшего звена, уровень жизни рабочих, текучесть кадров и т. д. (особенно это касается градообразующих предприятий в провинции, где людям попросту **некуда деваться**). Главное, что его интересует — извлечение максимальной прибыли **здесь и сейчас** (желательно, с минимальными усилиями), что вполне понятно, если учитывать нестабильность экономики нашей страны. Для того чтобы обеспечить себе получение определенного уровня дохода без необходимости постоянного контроля и личного вмешательства, он, как правило, **вынужден** ставить в главе предприятия ряд высших менеджеров (директоров) с гигантскими полномочиями и огромными окладами (возможно, даже делиться с ними незначительной долей прибыли). Но при этом он также вынужден учитывать и их запросы, пожелания о назначении тех или иных руководителей или, возможно, организации новых управлений, расширении штата помощников и заместителей и прочее. Поэтому, спускаясь ниже по служебной лестнице, мы обнаруживаем, опять-таки, ряд начальников с немалыми зарплатами и возможностью ходатайствовать теперь уже перед **директорами** о приеме на работу тех или иных сотрудников или об организации нового отдела и т. д., и т. п. Именно таким образом в относительно благополучные годы начала XXI века численность «белых воротничков» неуклонно и отчасти стихийно увеличивалась вместе с медленным промышленным ростом.

Здесь мы вплотную подходим к вопросу о компетентности самого капиталиста. Понимает ли он, что сложившаяся схема управления неэффективна и прежде всего дорого обходится ему самому? В большинстве случаев, осмелимся предположить, ответ будет отрицательным. Собственники зачастую бывают просто не в состоянии оценить, кто более им необходим — опытный рабочий или **помощник по методологии первого заместителя директора по какому-либо направлению**. В этом их также вполне можно понять. Ведь

любая деятельность «белых воротничков» всегда тщательно документируется и передается через все уровни описанной иерархии наверх (отчеты по снижению издержек, окупаемости инвестиционных проектов, расчеты экономической эффективности от внедрения новых технологий, различные презентации и пр.). Т. е. результат их работы (как мы убедились, зачастую несколько иллюзорной) для собственника всегда налицо. Что же касается рабочих... Как уже говорилось, **производительный труд в наше время не ценится абсолютно никем.**

Но не менее важна и другая, куда более страшная и простая причина того, что в наличии указанного слоя нуждаются правящие классы. В условиях продолжающегося по сей день тотального разрушения российской промышленности описанная структура предприятий **идеально** соответствует сложившемуся **злокачественному** социально-экономическому строю и является его неотъемлемой частью. В сохранении его, помимо прочего, **кровно** заинтересована описанная прослойка, что и делает ее особенно ценной и нужной для власть имущих.

Возможно, кому-то может показаться, что автор был крайне пристрастен.

Я этого нисколько не отрицаю — всегда приятно бывает, как писал Белинский, «сорвать с вороны павлиньи перья».

В современных условиях, когда большинство людей при выборе профессии озабочено лишь размером дохода, который она будет приносить, те, кто получил диплом и работает по специальности, никак не связанной с маркетингом, менеджментом или IT, часто выглядят смешными Дон-Кихотами. У нас есть одно преимущество: мы прекрасно понимаем, на что тратим свое рабочее время, и нам (в отличие от **них**) **ни при каких обстоятельствах** не придется жалеть о никчемности своего призвания.

И еще: человеку, проводящему время среди людей, которые вкратце были описаны в данной статье, крайне тяжело было бы понять нужды и стремления тех, кто не имеет отношения к офисной работе (большинства населения России).

Вот почему я не хочу быть «белым воротничком».

СЕНТЯБРЬ 2009 Г.

РОССИЙСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ

ЗАПИСКИ ИНЖЕНЕРА-ТЕХНОЛОГА

ИВАН ЛЕЩИНСКИЙ

Злокачественность фундаментальных изменений российского общества за последние двадцать лет уже давно представляется мне бесспорной. Их основные результаты общеизвестны: гигантское социальное расслоение, массовое одичание и вымирание населения, деиндустриализация и прочее. Многие уже было написано о деградации культуры, демонтаже систем высшего образования, здравоохранения, социального обеспечения. Однако именно масштабы и тотальность разрушения российской (строго говоря, советской) промышленности, на мой взгляд, обществом в полной мере еще не осознаны. Именно поэтому в своей статье я считаю необходимым разоблачить некоторые распространенные на этот счет иллюзии.

Разумеется, инженер-технолог отдельно взятого металлургического завода просто не может обладать всеми требуемыми для таких обобщений данными. На это я и не претендую. В моем распоряжении — лишь собственный производственный опыт и информация, полученная от коллег. Определенную вескость этим сведениям может придать следующее обстоятельство: ключевыми заказчиками моего предприятия (фактического монополиста по выпуску определенной номенклатуры изделий) являются заводы авиационной и ракетно-космической отраслей промышленности, а также множество машиностроительных заводов с различной специализацией, а поставщиками — ведущие металлургические комплексы России. Разумеется, на некоторых из них довелось побывать и автору этих строк.

Полагаю, будет вполне уместным в основном вести речь об одном из наиболее благополучных и прибыльных заводов России. Нетрудно представить, что творится на менее рентабельных предприятиях.

Пусть другие дополняют и исправят высказанные здесь тезисы и предположения.

Начать нужно, конечно, с материальной базы тяжелой промышленности. Общеизвестно, что подавляющая часть действующих производств

унаследована с советских времен и с тех пор не подвергалась никаким сколько-нибудь значительным изменениям и усовершенствованиям. Однако говорить даже о **растраченном наследии** в данном случае вряд ли уместно — сейчас речь стоит вести скорее об **обломках и развалинах** в прямом значении этих слов. Любой станок или машина требует регулярного ремонта и замены по истечении определенного срока. Между тем, в России с начала 90-х годов огромное число единиц оборудования было законсервировано или не ремонтировалось вовсе, еще большее — попросту уничтожено, разобрано на запчасти или превращено в металлолом. Оставшаяся (весьма, впрочем, незначительная) часть, насколько можно судить, находится ныне в довольно жалком состоянии. Весь ужас ситуации заключается в том, что зачастую оборудование просто невозможно отремонтировать, так как необходимые для этого запчасти взять неоткуда — завода-производителя **больше нет**. В моем цеху так произошло с парой советских станков с ЧПУ — они не подлежали ремонту из-за отсутствия возможности починить электронную систему управления (думаю, не стоит объяснять, в каком состоянии сейчас находится промышленная электроника в России). Локальными оазисами, блещущими новыми технологическими линиями (напр., Выксунский листопрокатный комплекс), в масштабах России можно смело пренебречь. Тяжелому машиностроению в 90-е годы был нанесен смертельный удар; несомненно, по уровню производства станков, кузнечно-прессового и прокатного оборудования мы отброшены в 30-е — 40-е годы XX века. Никаких крупных закупок нового оборудования и тем более модернизации существующего производства среднестатистический завод произвести не в состоянии. Большинству заводов остается лишь доламывать старое.

На практике это означает, что большая часть пролетов цеха попросту пустует или заставлена заброшенными станками, машинами или даже целыми **автоматизированными производственными**

линиями, назначение многих из которых мне (как и всякому недавно пришедшему на завод) абсолютно неизвестно. Эти мертвые груды железа производят гнетущее впечатление, напоминая порой осколки неведомой погибшей цивилизации.

Модернизация в масштабах предприятия чаще всего носит частичный и неполный характер. Мы увидим далее, что, даже когда для ее осуществления есть средства, она проводится совершенно бестолковым образом из-за нехватки подходящих для этого кадров (технологов, проектировщиков, конструкторов и пр.)

Было бы логичным предположить, что сохранившиеся производственные линии хотя бы поддерживаются в более или менее исправном виде. Увы, это было бы слишком наивно.

Напротив, они эксплуатируются зачастую совершенно варварскими методами.

Основные причины такого отношения мы рассмотрим ниже; пока же добавим, что полноценный капитальный ремонт, как правило, проводится лишь в тот момент, когда оборудование попросту ломается и это ставит под угрозу производство продукции — а значит, и получение прибыли собственником.

С грустной улыбкой мне приходится выслушивать сентенции в том духе, что собственники наконец-то поумнели, повсеместно заботятся о развитии своих предприятий и т. п. Каждый день я вижу результаты подобной «заботы». Развитие предприятия всегда должно быть связано с увеличением производственных мощностей, модернизацией производства, расширением номенклатуры выпускаемой продукции, ростом численности персонала. В настоящее время в условиях практически полного отсутствия капиталовложений, идущих на обновление оборудования, и постоянно возобновляемой «оптимизации численности работников» говорить о каком-либо развитии несколько странно. Нужно иметь в виду, что для российских капиталистов эффективное извлечение прибыли отнюдь не обязательно связано с промышленным ростом или развитием предприятия и заботой о перспективе. Более того, я осмелюсь утверждать, что долгосрочные крупные затраты для русских буржуа не очень — то выгодны. С учетом нестабильности российской экономики и степени коррумпированности российских чиновников, бизнесу гораздо выгоднее эксплуатировать по максимуму имеющееся оборудование, поддерживая определенный уровень прибыли, а за капиталовложениями и выгодными кредитами в случае насущной необходимости обращаться к государству. Рентабельность производства обеспечивают рабочие, мастера и технологи, умудряющиеся за мизерную зарплату, в тяжелейших условиях, на морально и физически устаревшем оборудовании производить конкурентоспособную продукцию (зачастую и на экспорт). Таким образом, в современной России эффективность менеджмента и компетентность собственника практически ни на что не влияют. Другое дело, что рано или поздно такому положению придет конец...

Разумеется, необратимые изменения коснулись не только состояния оборудования. В гораздо большей степени они затронули кадровый состав бывших советских заводов.

Начнем с последствий крушения системы высшего технического образования. Важнейшим из них является тот факт, что за первое десятилетие после распада Советского Союза, в условиях нехватки квалифицированных специалистов (в большинстве случаев нашедших работу не по специальности), производственные предприятия наводнились огромным количеством дилетантов, недоучек, невежд, а зачастую и откровенных проходимцев. С течением времени и в результате карьерного роста люди такого сорта заняли множество ключевых должностей.

Последствия такой «ротации кадров» оказались, без преувеличения, катастрофическими.

Мне уже приходилось писать о странных изменениях в структуре производственных предприятий, в результате которых «командные высоты» оказались в руках бездарных и бесполезных клерков, часто именуемых «офисным планктоном» (см. статью „Почему я не хочу быть «белым воротничком“»). Одновременно с этим вырождению и деградации подверглись основные заводские службы и отделы (производственные, технологические, конструкторские и ремонтные), унаследованные еще с советских времен. Вкратце суть указанных процессов такова: подразделения, ранее работавшие в тесной связи с цехами завода, в настоящее время постепенно все более отстраняются от производственной деятельности и по специфике своей рутинной канцелярской работы неизбежно тяготеют к «белым воротничкам», переполняющим офисы заводоуправлений. Как ни странно, этому весьма способствует бездумное копирование западных стандартов управления предприятием (например, необходимость разработки сотен документов и отчетов в рамках «системы менеджмента качества», нужных лишь для того, чтобы пройти какой — либо западный аудит, и прочее).

Скажем, производственные отделы, в идеале отвечающие за планирование, координацию и согласование работы основных цехов, постепенно превращаются в придаток служб по маркетингу и продажам, посредством которого последние диктуют свою волю руководству цеха. С одной стороны, ничего удивительного в этом нет: планирование производства требует, прежде всего, неплохого знания технологии и возможностей производственного оборудования цехов. В современных же рыночных условиях в основе планирования работы предприятия лежит чистейший волюнтаризм — план формируется на основе всех заказов, которые удалось нахватать «продажникам», и продолжает дополняться в течение месяца (похоже, что таким образом «высшие» менеджеры пытаются выслужиться перед собственником). Любые предупреждения со стороны цехового руководства о том, что план не может быть выполнен по объективным причинам (с расчетами загрузки оборудования, производительности печей

и агрегатов, времени на механические испытания и т. д.), воспринимаются не иначе как попытки сознательно снизить прибыль и отказаться от своих служебных обязанностей. Результаты такого пренебрежительного отношения к реальным проблемам вполне предсказуемы: из месяца в месяц сроки поставок и отгрузок систематически срываются. Учитывая все вышесказанное, приходится констатировать, что советский опыт планирования и управления производством утерян безвозвратно вместе с производственными мощностями.

К великому сожалению, с технологическими и конструкторскими службами дело обстоит несколько не лучше: именно здесь самым наглядным образом проявляется катастрофическое падение технического уровня так называемых «инженеров» (по сути, уже «белых», а не «синих» воротничков) различных отделов по сравнению с советским периодом. Примеров этому можно привести множество; я ограничусь теми, с которыми мне пришлось столкнуться лично на различных предприятиях.

Начнем с элементарного умения грамотно разрабатывать чертежи деталей, т. е. владения основами инженерной графики и начертательной геометрии. Мне известен пример совершенно безграмотно составленного чертежа штампованной поковки (на нем неправильно показан разрез), утвержденного главным технологом одного предприятия и согласованного с главным металлургом другого. Удручает здесь именно то, что ошибку первокурсника совершили сразу два специалиста высшей категории на двух различных предприятиях.

Менее безобидный пример. В одной из служебных командировок по вопросам качества мне пришлось столкнуться с последствиями ошибки, допущенной при составлении технических требований к чертежу одной из составных частей сопла ракетносителя (не был указан один из обязательных видов контроля). Здесь оплошность совершили уже последовательно главный конструктор, главный технолог и главный металлург. Признаюсь, до некоторого времени я сам питал определенные иллюзии по отношению к отечественному авиа- и ракетостроению. Мне — как металлургу — специалисты авиационных или ракетных заводов представлялись небожителями, сверхкомпетентными, опытнейшими профессионалами, не знающими провалов и способными решать сложнейшие и разнообразнейшие проблемы. Тем более жестоким было мое разочарование. В командировке взаимодействовать мне пришлось с пугливыми и зашоренными людьми, совершенно отвыкшими от серьезной работы. По всей видимости, постоянные простои, отсутствие новых заказов, сложных задач и использование только лишь старых наработок приводят к тому, что даже имеющие советский производственный опыт работники таких заводов постепенно теряют квалификацию и по своему поведению и мировоззрению становятся похожими на конторских служащих. Ко всему прочему, создается впечатление, что с 80 — х годов XX века время для них остановилось. Раскрыл

глаза мне на это любопытный эпизод. Во время пребывания в цеху механической обработки узлов двигателя мне в глаза бросилась карта техпроцесса с эскизами по операциям, оформленная «синькой» и, видимо, оставшаяся здесь с 70 — х или 80 — х годов. Я спросил своего коллегу-технолога, почему он не хочет заменить ее новой. Он недоуменно ответил, что она и так новая. Пришел мой черед удивляться и недоумевать. Выяснилось, что из — за нехватки компьютеров (один — два старых ПК на отдел) и нежелания (возможно, неумения) конструкторов и технологов пользоваться системами автоматизированного проектирования здесь до сих пор чертят на кульманах, как в старом советском КБ! Увы, как подтвердили мои коллеги, таково состояние большинства конструкторских и технологических служб на авиастроительных заводах. После этого я окончательно расстался с идеализированными представлениями о российском авиа- и ракетостроении.

Разумеется, компетентные люди на заводах этих отраслей все еще остаются, но работают они, как всегда и везде, не в отделах, а в производственных цехах.

Куда более мрачные примеры связаны со стремительным карьерным ростом невежд и проходимцев. На моих глазах неизвестно откуда вынырнувший человек, довольно сомнительных моральных качеств, абсолютно ничего не понимающий ни в управлении производством, ни в технологии, в одночасье стал начальником кольце-прокатного цеха. Через два года, по — видимому лишившись протекции, он с позором покинул завод, оставив о себе недобрую память. Недавно я узнал, что он руководит одним из подразделений завода, где производят «МиГи» (в Нижнем Новгороде). Аналогичный случай произошел с начальником одной из ремонтных служб моего завода, самодовольным «блатным» болваном и лентяем. Сейчас он — главный инженер одного из ведущих предприятий ракетно — космической отрасли (в Подмоскowie). Sapienti sat.

Я уже давно перестал удивляться обилию профанов, дилетантов и недоучек во всех службах предприятий любых отраслей промышленности. Меня лишь крайне тревожат все более частые проявления воинствующего невежества, понемногу становящегося доминирующим не только в сфере управления производством, но и в технологии, конструкторских разработках и пр.

Попробую пояснить на примерах, с которыми мне пришлось столкнуться лично.

В производственный цех на согласование прислали комплект чертежей штампованных поволоков со слишком маленькими допусками и припусками на механическую обработку. Когда технические специалисты цеха попытались объяснить высшему руководству, что чертежи разработаны некорректно, так как на действующем деформирующем оборудовании получить такую точность размеров **без механической доработки** невозможно, их подписи попросту вымарали из списка. Долгое время годную продукцию удавалось получать

и сдавать в цеху благодаря запасу по массе и дополнительной механической доработке. Однако когда объемы заказов для данного предприятия стали увеличиваться и обточка таких поковок стала тормозить обработку продукции для других заказчиков, руководством было принято решение снизить массу исходной заготовки и таким образом заставить цех обходиться без каких — либо дополнительных операций. Работники цеха в течение какого — то времени тщетно пытались получить продукцию со все меньшим расходным коэффициентом и потом доводить ее до чертежных размеров механической обработкой; руководство в ответ на это с угрюм — бурчьевским пафосом (экономия металла!) продолжало снижать массу заготовок. Между тем с предприятия — заказчика начали поступать первые тревожные сигналы о браке по вине поставщика: после окончательной механической обработки на деталях все чаще оставались локальные участки т. н. «черноты». Любому занимающийся механической обработкой инженер знает, что в таких случаях припуски должны быть увеличены. Однако руководство сделало несколько другой, но тоже по — своему правильный вывод: в цеху просто не хотят (и не умеют!) работать. В конце концов массу заготовок снизили настолько, что механически дорабатывать оказалось нечего, и сдачу продукции в цехе кое — как удавалось проводить после многократной калибровки по диаметру (речь о кольцеобразных деталях) и с учетом всех допускаемых в чертеже отклонений — зачастую фактически на пределе минусовых допусков. Основной результат кампании оказался ошеломляющим: бракованные детали стали возвращаться от заказчика вагонами. Надо, впрочем, отдать должное высшему руководству: оно сразу сделало правильные выводы и взялось за разработку адекватных мероприятий по улучшению качества (в духе тех, что предлагались цехом еще на стадии разработки чертежей). Но было уже слишком поздно. Заказчик отдал предпочтение китайским поставщикам.

Другой пример по уровню абсурдности описываемых событий чем — то близок творчеству Кафки.

Представьте себе, что один из главных специалистов завода в области технологии, «плавающий» в вопросах металловедения и теории обработки металлов давлением, вычитал в какой — то книжонке, будто бы общеизвестные температуры нагрева под деформацию для жаропрочных сплавов чрезмерно завышены и это отрицательно сказывается на механических свойствах готовых изделий. Одержимый маниакальной страстью к новаторству (пусть даже вопреки здравому смыслу!), он захотел опровергнуть выводы исследований нескольких поколений советских ученых и приказал снизить температуру нагрева для одного из отечественных сплавов на сотню градусов. Первые результаты новой («усовершенствованной») технологии для работников цеха оказались обескураживающими. На всех операциях и переходах на заготовках в процессе деформации образовывались

грубые («холодные») трещины. Постоянно возобновляемое механическое удаление трещин после каждой операции привело к колоссальной потере массы. Главным результатом воплощения бредовой идеи стала невиданная ранее массовая и стабильная выбраковка изделий по геометрическим размерам. Одуревшим от такой изумительной (во всех смыслах!) технологии работникам цеха было объявлено, что всему виной либо низкое качество металла, либо ... невыполнение четких указаний руководства по снижению температуры. Это безумие продолжалось около недели, пока одному из технологов цеха не пришла в голову шальная мысль — вновь попробовать деформировать заготовки с температур, рекомендованных всеми советскими справочниками. Интенсивное трещинообразование прекратилось, что, вообще говоря, **неудивительно**. Абсурдность и безвыходность положения для работников цеха были очевидны: с одной стороны, нельзя не выполнить указаний руководства, с другой — нужно любыми способами остановить производство несоответствующей продукции. Я не буду распространяться о том, как удалось «выкрутиться» и выполнить оба взаимоисключающих условия...

Я мог бы привести еще много примеров, описывающих деградацию технических служб предприятий различных отраслей, но более не вижу в этом необходимости.

Считаю нужным оговориться — я вовсе не склонен к идеализации советского строя, особенно в поздний период существования Союза. Недостатки советской промышленности и неэффективность многих ее отраслей слишком очевидны.

Однако в сравнении с современным положением вещей (и особенно с учетом дальнейшей неизбежной деградации промышленных производств и отечественной науки) советская система, увы, действительно представляется недостижимым идеалом.

Итак, на основе приведенной выше информации можно сделать некоторые выводы.

Российская промышленность умирает. Даже в теперешнем убогом виде существовать ей осталось недолго. Уверенно говорить об этом позволяют совершенно явные признаки регресса: полностью устаревшее оборудование, которое зачастую уже нет смысла и возможности ремонтировать; технология, застрявшая в лучшем случае на уровне 80 — х годов XX века; длительное отсутствие новых научных и конструкторских разработок; целенаправленное разрушение системы высшего технического образования, ведущее к катастрофическому падению уровня подготовки инженеров любых специальностей; бездарное и неэффективное управление предприятиями и отраслями промышленности в целом; постоянное сокращение и «оптимизация численности» персонала, занятого на производстве, в сочетании с аномальным ростом количества рабочих мест для «белых воротничков»; тотальное забвение или потеря советского опыта краткосрочного и долгосрочного

планирования; абсолютная непопулярность и не-престижность производственных профессий. Как и в случаях с образованием, наукой и т. п., все эти тенденции тщательным образом маскируются и замалчиваются властью. Рассчитывать на то, что процесс вырождения можно как — то остановить или повернуть вспять без принятия радикальных мер, было бы неразумно и недальновидно. Паразитирование на советском наследии не может длиться вечно. В ближайшие годы, когда уволятся последние специалисты с советским производственным опытом и на смену им придут подобные варварам или папуасам (см. мою статью «Новые люди») выпускники начала XXI века, произойдет гигантский откат страны вспять по всем позициям. Воинствующее невежество высших технических руководителей в сочетании с халатностью и непрофессионализмом множества инженеров низшего и среднего звеньев неминуемо приведет к ряду серьезных техногенных катастроф. Наступят темные годы. Через некоторое время Россия вновь окажется невежественной и неразвитой страной с нищим и разобщенным населением, живущим в одномерном мире иллюзий (разумеется, за исключением представителей компрадорской элиты

и паразитического «среднего класса»). От российской промышленности, вероятнее всего, останутся лишь заводы по производству комплектующих для крупных западных фирм или «отверточные» (конвейерные) предприятия; притом в обоих случаях зарубежные хозяева неизбежно будут заинтересованы в сохранении, если не усугублении, нищеты основной массы населения (а для чего же тогда еще переносить производство в страны третьего мира?). Ждать этого осталось недолго. Вглядываясь в ожидающее нас будущее, нужно раз и навсегда распрощаться с вредными иллюзиями о том, что существующее положение вещей является **нормальным**. Необходимо суровое и беспощадное отрезвление, связанное с освобождением от всех навязываемых правящим классом представлений и идеалов. Следует понять, что положение России сейчас вполне сравнимо с оккупацией жестоким и бесчеловечным врагом и что спасти российскую промышленность в рамках существующего дефективного социально — экономического строя невозможно.

Остановить ее деградацию может только радикальное преобразование социальной действительности.

МАЛЕНЬКИЕ ТРАГЕДИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

БУДНИ ВОСПИТАТЕЛЯ ДЕТСКОГО САДА

МАРИЯ АЛЕКСЕЕВА

Она попадает в тиски. В доме, к которому она принадлежит, она бороться не может, на производстве, где она должна бороться, она не на своем месте. В доме находятся или приходят дети, на производстве ее ждет работа. Что ей делать, кроме как возиться? «Обдумывая, откуда они пришли и куда они идут, они в один прекрасный день увядают» (Брехт).

<...>

Протест назрел. Он не состоится. Причина не только в том, что власть хорошо овладела методами и средствами подавления. Главная причина — в продукте общественного воспитания, клеветнической пропаганды и оупляющего труда: в наличии миллионов глупых, оупевших, аполитичных, обожающих Фарах Диба и Сорайю, **возящихся**, хорошо думающих и неправильно действующих, бюющих своих детей женщин. И таких все еще большинство.

У. Майнхоф, «Ложное сознание»

Мы возимся каждый день. Утром, вставая в 6, а то и в 5 часов, чтобы успеть накормить и обслужить свою семью. На работе, обслуживая другие семьи, ублажая родителей, приводящих нам своих чад, пытаюсь воспитать, в силу своих знаний и способностей, этих чад — то криком, то лаской. Разгибая уставшие спины, не имея возможности разогнуть мозги, оупевшие от изнуряющей, унижительной в глазах общества работы без цели и без смысла. Если день проходит удачно и не приходится угождать еще и начальству, всегда наглому: и в своей приветливости, и в ругани — то продолжаем возиться дома. И угождать нетрезвому мужу или севшим на шею детям. И так каждый день.

Вы можете обвинить нас в том, что мы сами виноваты. Мы ленивы, тупы, крикливы, толсты и истеричны. Не отворачивайтесь. Мы — плоть от плоти и кровь от крови всего общества, в том числе и ваших поступков.

Общество сдает нам своих детей, доверяя воспитание, психику и здоровье будущего поколения. И платит нам за это гроши, на которые невозможно нормально жить, которые скорее плевков в лицо, чем зарплата. Мы покупаем кофточки на распродажах в супермаркетах или на барахолках. Какими видят нас дети? Что мы можем в них воспитать? Будут ли они уважать нас, злых от вечной необходимости экономить, недоедать, подрабатывать, в наших дешевых страшных тряпках на больных спинах?

Работать за эти жалкие подачки соглашается все меньше и меньше людей. В каждом саду — нехватка кадров. А это значит, что мы одновременно и проводим занятия, и моем полы, почти

не пытаюсь посеять разумное или вечное, утирая нос ребенку одной рукой, а другой держа горячую тяжелую кастрюлю. Что мы работаем не положенные 7, а часто и 12 часов.

Не важно, 7 или 12 — в это время мы ответственны за все и не имеем права ни на что. Нас попрекают недостаточным количеством занятий, пылью вон в том дальнем углу или тем, что мы не бегаем с детьми на прогулке. В глазах начальства (заведующей или проверяющих — неважно) или вечно недовольных родителей мы наглые и ленивые. Да, мы имеем наглость лениться, когда все тело от усталости наливается свинцовой тяжестью, добирает мигрень или иная женская боль, в голове серая бессмысленность труда, должного быть уважаемым и творческим, а ставшего презираемым и механическим. Работай! Сдохни, но выполни.

Общество презирает нас. Начинается с самых верхов, где кричат о важности нашей работы, поднимают нам зарплаты на жалкие пару тысяч, в преддверии выборов насылают на нас агитаторов, распинающихся о прекрасной стабильности. А после выборов цены взлетают и газеты равнодушно пишут о попавших под удар бюджетниках...

Продолжается на уровне наших начальников всех сортов и видов, тыкающих нас в недостатки работы, как котят в мокрые лужицы. «Мы вам платим деньги — отработывайте».

Деньги? Где вы видели деньги? Мы поправим на них разбитое здоровье, вернем красоту расплывшимся талиям или ликвидируем нервные истерики?

Отработывать деньги? Возможен ли творческий подход к воспитанию и учению, если к нему принуждают таким образом? Искренний интерес

к тому, что делаешь, желание и возможность соиздать и гореть на работе невозможно породить абстрактным волевым усилием, вызванным окриком или понуканием. Необходимы наши собственные возможности и общая атмосфера внимания и уважения к нашим действиям.

Возможностей являться педагогом и воспитателем, то есть самому быть яркой и незаурядной личностью, к тому же обладающей запасом специальных знаний, у нас нет. Причин множество, начиная с воспитания (будь ты женой или по убеждению незамужней — все сводится к мужчине, даже если его нет; как человек и профессионал ты всегда второго сорта) и заканчивая банальной нехваткой материальных средств для физического и интеллектуального развития.

Об атмосфере говорить не приходится. Она должна быть как на научных конференциях, а на деле — мы сами не верим в значение того, что делаем, и в нас никто не верит.

Итак, остается не творить — отрабатывать.

В такой ситуации мы подвержены быстрому профессиональному выгоранию. Детский сад — режимное учреждение, где изо дня в день повторяются одни и те же действия: прием детей, завтрак, занятия, прогулка, обед, тихий час... После нескольких лет такой рутинной и монотонной отработки не хочется уже ничего. Потому что однообразные будни теряют различия и сливаются в сплошную серую массу, создают ощущение конвейерной ленты, тянущейся из ниоткуда в никуда. Мы не знаем изначального смысла нашей работы, мы не видим ее конечной цели.

Заканчивается презрение на уровне самой тупой из скандальных мамашек. Которые не работают и не желают даже выгуливать своих чад, зато нам предъявляют список претензий по полной программе.

Нормальные же условия работы нам никто предоставлять не желает. О психологически нездоровой атмосфере уже было сказано. А как насчет пособий, игрушек, дидактических материалов, где, пардон, мыло и туалетная бумага в достаточном количестве? И мы, как последние дуры, покупаем все это на свои деньги. Нет, порой покупают и родители. А как часто потом ходят пересуды о поборах в садах...

Не все так плохо, большинство родителей все же улыбаются нам, жалеют нас, иногда дарят цветы и приносят конфеты. Попадают изредка такие люди и среди начальников. И если бы не это, мы бы просто задохнулись в атмосфере презрения и пренебрежения.

Как мы, такие, воспитываем наше будущее? Будущее воспитывают без нас, яркими рекламами и обертками, шоу по ТВ и развлекательными центрами, отношением к ребенку как к «личности», что чаще всего означает равнодушное потакание всем детским капризам. Кто мы для них, тусклые и уставшие, с нашими сказками и пластилином, цифрами и рисунками, детскими песнями и хороводами?

А кто мы для себя? Работой ведь жизнь

не заканчивается. Да, мы порой завидуем друг другу или сплетничаем, но мы и приходим на работу, изо всех сил стараясь как можно лучше одеться, хвастаемся друг перед другом тряпочкой за 200 рублей, улыбаемся друг другу, дарим шоколадки и комплименты — просто так. Выплакиваем друг у друга на плече свои беды и судачим за спиной — все это смесь жалости, поддержки, сочувствия и злословия. Банка со змеями, жалящими и согревающими друг друга. Потому что очень часто согреть нас больше некому...

Нужны ли мы, такие потрепанные, нашим мужьям, требующим и пьющим? Сколько разведенных, сколько живущих вторым, часто несчастливым, браком. Мы гордо поднимаем головы, в душе понимая, что никакие мы не женщины. Мы были рождены для того, чтобы нас, хрупких, носили на руках, падали перед нами на колени и осыпали цветами. Возня дома и на работе сделала нас скучными и некрасивыми, а мужчины уходят либо к другим, либо просто так...

Это все ничего. Мы не будем жаловаться, мы будем приходить на работу одетые во все самое лучшее, будем воспитывать, учить, любить, пусть и не всегда мудро или умело, чужих детей. Не бойтесь, мы не бросим их, мы не разогнемся в едином порыве протеста, стравливаемые, разъединяемые, намеренно изолированные друг от друга.

Потому что каждое собрание, каждый педсовет, каждое обращение руководителей уровня администрации района, каждое общение с любым руководителем тет-а-тет лишь формально служит делу сплочению коллектива и постановке единых целей и задач. В действительности нас либо скрыто, либо явно стравливают, применяя старый метод кнута и пряника. Похвалят одних, унижая других, причем возвышаемые и унижаемые постоянно меняются, чтобы каждый побыл и в той, и в другой роли. Хотя кое-кого унижают постоянно. Тех, кто еще пытается что-то сделать. Тех, кто всегда готов взять на себя ответственность, помочь, прикрыть. Тех, кто добровольно продолжает творить, учить, воспитывать, любить своих подопечных вопреки всем обстоятельствам. Вот этих тычут носом в мелочи и представляют чуть ли не позором коллектива, полностью игнорируя все титанические усилия соиздать несмотря ни на что.

Кроме того, нашими врагами постоянно выставляют родителей, чем убивают сразу двух зайцев. Во-первых, лишают наше недовольство от себя, во-вторых, лишают нас потенциальной поддержки со стороны. Отсутствие общения с родителями выставляют как достоинство («не выносим сор из избы, иначе потом родители наедут, и нам всем будет плохо»), разговоры с ними в группе или на прогулке — как страшный проступок.

Не понимая, как сделать иначе, мы начинаем играть по этим правилам. И помогаем загонять себя в угол, приучаемся к тому, что по-настоящему работать нельзя, нужно уметь пускать пыль в глаза. Не просто одинокие — изолированные, мы не способны на протест.

Если все так плохо, возможно, нам следует

просто уйти? Презираете нас — так попробуйте без нас обойтись! Но мы боимся и не можем уйти. Большинству из нас далеко за 40, за плечами десятилетия монотонного, убивающего инициативу, но и болезненно привлекательного своей привычностью труда. Мы боимся перемен, боимся, что не справимся на новой работе (а это так, после 40 крайне трудно освоить новые навыки), кроме того, нам постоянно говорят, что в других местах либо еще хуже, либо мы там не нужны (всем известна возрастная дискриминация, когда на хорошо оплачиваемую и перспективную работу берут людей до 35 лет).

Итак, мы законсервированы в этом состоянии. Нищие, униженные, измотанные, озлобленные, изолированные, не состоявшиеся профессионально и лично, не имеющие желаний и возможности бороться или уйти. Между прочим, такое наше положение кое-кому очень выгодно.

Обеспечение нас всем необходимым, высоким уровнем жизни, возможностью личностного и профессионального роста означает прежде всего качественное образование с самых первых лет жизни для большинства населения (ведь речь идет о государственных, общедоступных детских садах), что повышает в дальнейшем вероятность получения высшего образования и претензий на хорошую и высокооплачиваемую работу. Это в наших интересах, в интересах большей части населения, на данный момент бедного. Но не в интересах богатых.

Кроме того, мы не только учим, но и воспитываем. Представим, что основы личности (которые, как известно, закладываются в совсем юном возрасте) формируются не под воздействием

потребительского образа жизни (уже упомянутые развлечения), а под влиянием высокой культуры и нравственности, прививаемых хорошим воспитателем. В этом случае уменьшается желание потреблять (а вместе с этим понижается уровень дохода богатых) и увеличивается потребность в свободном и творческом труде — соответственно, и понимание того, что существующее классовое разделение общества делает такой труд недоступным для огромных масс. Естественно, возникает желание способствовать ликвидации деления на классы. Это в интересах большинства. Но не в интересах богатых.

Зато в интересах богатых — превращение воспитательных учреждений в конвейер по производству стандартных детей и в захлопнувшуюся ловушку для воспитателей. Мы поставляем на рынок дешевую рабочую силу, которая так нужна богатым, дважды. Во-первых, большинство мам, отдающих нам своих детей, используют освободившееся время для работы. Во-вторых, мы производим стандартизованный (какой еще может получиться в условиях отработки?) человеческий материал, которому через такую же школу прямая дорога в наемные работники.

Таким образом, каждая из нас — это точка схождения глобального (классовая борьба) и личного (несостоятельность как женщин и как профессионалов), повседневная маленькая трагедия — результат действий богатых в пользу своего класса и результат нашей собственной общественной и личной пассивности.

13 ИЮНЯ 2008 Г.

ПО ЭТОЙ ТЕМЕ ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

АЛЕКСАНДР ТАРАСОВ. «НЕ БУДЬ КОЗЛОМ — БОЙКОТИРУЙ ВЫБОРЫ!»
http://scepsis.ru/library/id_3106.html

.....

**ИВАН ЛЕЩИНСКИЙ. «РОССИЙСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ:
ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ» (ПОЛНАЯ ВЕРСИЯ).**
http://scepsis.ru/library/id_2969.html

.....

ВЛАДИСЛАВ КЛОЧКОВ. «ЧЕМ ПЛОХА СЫРЬЕВАЯ ЭКОНОМИКА?»
http://scepsis.ru/library/id_2121.html

.....

ЮРИЙ СЕМЕНОВ. «РОССИЯ: ЧТО С НЕЙ СЛУЧИЛОСЬ В XX ВЕКЕ».
http://scepsis.ru/library/id_128.html

.....

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ. «ТОЧКА НЕВОЗВРАТА ПРОЙДЕНА».
http://scepsis.ru/library/id_2993.html

.....

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ. «ГЕРОИ УШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ».
http://scepsis.ru/library/id_3095.html

.....

**АЛЕКСАНДР ТАРАСОВ. «КСЕНОФОБСКИХ ВЗГЛЯДОВ
ПРИДЕРЖИВАЕТСЯ ПОЛОВИНА НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ».**
http://scepsis.ru/library/id_3080.html

[HTTP://SCEP SIS.RU](http://scep sis.ru)

ДЕКАБРЬ 2011